

Анюта Васильева

Анюта Васильева
В капкане бездушных
Монстров. "Белым
мелом по стеклу"

<https://litres.ru/74238429>

Аннотация

Вырваться из глубинки и попасть в закрытый, частный колледж, — пусть и не самым законным путём, — это вытянуть тот самый счастливый билет. — Так думала я! Вот только очень скоро, я поняла, что меня крупно подставили, и обратного пути теперь нет. Я вынуждена терпеть издевательства сразу двух негодяев, одного из которых, чёрт возьми, я безрассудно люблю... Они оба принимают меня за другую, — вернее я, за другую себя выдаю. Я не могу просто так взять, и им во всём признаться, поэтому, терплю. — Если всё вскрыется, моя семья может очень серьёзно пострадать. _БДСМ _Герои, бессердечные ублюдки _Эмоции на пределе

Содержание

ПРОЛОГ	4
1 Глава	10
2 Глава	15
3 Глава	24
4 Глава	33
5 Глава	41
6 Глава	47
7 Глава	54
8 Глава	63
9 Глава	69
10 Глава	79
11 Глава	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

ПРОЛОГ

Пролог

— Отвали, я тебе сказала! — мощная ладонь смыкается на моём предплечье, резкий рывок, и, развернувшись, спиной ударяюсь о стену. Удар отдаётся в лопатках тупой болью, а в висках начинает бешено стучать пульс — я чувствую, как кровь приливает к лицу, и от этого становится ещё страшнее: будто сама моя реакция только подстёгивает его.

— Я вижу в тебе до хрена величия. Я собою с тебя эту спесь, сука! — зло рычит мне прямо в лицо. Его дыхание горячее, с привкусом мяты. Глаза тёмные, почти чёрные, и в них нет ни капли сочувствия — только холодная ярость, которая обжигает сильнее крика.

— Да что я вам сделала? — дрожащим голосом задаю вопрос уже обоим, потому что вижу, как к нам подходит Амирхан. Его я боюсь гораздо больше, чем Тима, хотя он, в отличие от Тимерлана, физически ко мне не прикасался ни разу. Амирхан идёт неторопливо, почти лениво, но в каждом его шаге чувствуется власть — будто само пространство вокруг него становится плотнее, тяжелее, и даже воздух будто оседает вниз. Мне совершенно нечем дышать.

— А мне говорили, что Молот зря вливает в дочурку бабло. «Не стать ей актрисой, потому что она — бездарь». А сейчас смотрю на тебя и понимаю — ввали всё. — Амир-

хан говорит спокойным голосом, и это очень страшно. Глаза этого человека бездушны, он только взглядом способен уничтожить, и именно ему я перечить вообще не могу. Внутри всё холодом сковывает. Когда он рядом, меня парализует, и я могу только подчиняться ему. — Не светись тут, Тим. Кто-нибудь может увидеть. — это Амирхан сказал уже куда более обыденным голосом. Будто речь идёт не о моей безопасности, а о какой-то мелкой бытовой детали — о том, что не стоит оставлять включённым свет в пустой комнате, например.

— Да похрен.

— Заиграют игрушку, — я прекрасно понимаю, о чём речь. Пока Тимерлан один меня всячески цепляет и унижает. Но стоит ему сказать «фас», показать, что со мной можно обходиться подобным образом, их будет уже не остановить. И по этой же причине я не могу пожаловаться на Багаутдинова. Если другие преподаватели начнут разбираться с Тимом, также все могут посчитать, что я могу быть всё той же игрушкой для битья.

Тут учатся преимущественно богатенькие детки, и то, что всем уже есть восемнадцать, ни черта не делает их взрослыми. Тут все и каждый считают, что им всё дозволено.

Ах да, о чём это я? Не это является главным.

Амирхан! Он директор этого колледжа с недавнего времени, и моя жалоба пройдёт напрямую через него. Соответственно, Тимерлану ничего не будет, только разозлю их обо-

их ещё больше.

Тим тянет меня вдоль стены прочь от главного входа, и уже буквально через минуту мы втроём через служебную дверь входим в здание. Дверь тяжёлая, металлическая, с глухим лязгом захлопывается за нами, отрезая нас от внешнего мира. В коридоре пахнет сыростью и старым линолеумом, и этот запах кажется мне сейчас особенно гнетущим — будто я попала в какое-то подвальное помещение, хотя мы всё ещё на первом этаже. Через кухню, по пустующему коридору и на второй этаж, прямо в кабинет Амирхана.

— Пусти, мне больно! — от злости Тим слишком сильно сжал мою руку. Я пытаюсь вырваться, и мне удаётся, точнее, Тимерлан мне позволяет это сделать.

Потираю затёкшее запястье, параллельно пытаюсь унять дрожь в теле. Кожа на предплечье горит там, где его пальцы впивались в меня, и я невольно сжимаю руку в кулак, будто так смогу удержать себя, не дать этой дрожи вырваться наружу.

Амирхан проходит к своему столу, опускается в кресло и, вальяжно развалившись на нём, из-под опущенных ресниц смотрит на меня.

Мне невероятно дискомфортно от его взгляда, буквально до физической боли...

— Я себя чувствую первоклассником, — начинает говорить Тим. Не мне, разумеется, Амиру. — Вот почему её херачить нельзя?!

— Почему нельзя, можно! — я вздрагиваю всем телом, и оба мужчины это замечают, усмеваются. — Но ты получишь от этого моральное удовлетворение?

— Не знаю, я баб бить не пробовал.

— Баб, — едва заметно усмехается директор. — Далеко ей до бабы ещё. Ты посмотри, какая она мелкая, от одной твоей пощёчины сотрясение мозга себе заработает.

— Не похрен ли? — снова усмешка от Амира, но на этот раз более выраженная.

На короткое время повисает гнетущая тишина, они что, сейчас серьёзно? Тишина становится почти осязаемой, плотной. Она давит на уши, заставляет сердце биться чаще, и я ловлю себя на мысли, что боюсь даже дышать слишком громко — боюсь ненароком спровоцировать этих монстров.

Тим делает два шага ко мне, становится настолько близко, что я чувствую жар его тела.

От страха не могу пошевелиться, даже когда Тимерлан неспешно задирает мою футболку, ладонью касается моей кожи, я только вздрагиваю, но по-прежнему стою приросшая к полу. Под его ладонью кожа покрывается мурашками, и это ощущение — одновременно холодное и обжигающее — пронзает меня насквозь, лишая воли, превращая в безвольную куклу.

— Бить нельзя, — констатирует он, и мне бы выдохнуть, но что-то мне подсказывает — ещё рано. — Но трахать-то можно! — от шока открываю рот. Я настолько растерялась,

что и не заметила, как Тим стянул с меня футболку, и я осталась в одном только спортивном топики. — Смотри, какие титички, — Тимерлан становится позади меня и обеими руками касается моей груди, поигрывает поочерёдно каждым полушарием.

И только после этого я, наконец, отмираю. Схватив нагледца за руки в попытке прекратить это, я изо всех сил отталкиваю парня. Вот только, что я могу?..

Тимерлан словно и не чувствует моего сопротивления. Его мышцы под моими пальцами твёрдые, как камень, и моё отчаяние только смешит его — в уголках его губ появляется издевательская усмешка, будто он получает удовольствие от того, как я беспомощно пытаюсь бороться.

— Мелкая она, — повторяет Амирхан почти с нажимом. Будто бы не только Тиму говорит это, но и себя убеждает.

По сравнению с Амиром, конечно, я мелкая. Мне девятнадцать, а ему около тридцати пяти, и ростом он очень высокий, такой же высокий, как и Тимерлан, только шире его в плечах, хотя, казалось бы, куда шире?! Амирхан выглядит как человек, который привык, что его боятся. В его осанке, в том, как он держит голову, в каждом движении сквозит уверенность, граничащая с высокомерием. Он словно специально занимает как можно больше пространства, чтобы никто не забывал, кто здесь главный.

— Ну чё, будешь? — с этими словами руки Тима становятся ещё более настойчивыми.

— Давай её сюда...

1 Глава

— Ты всё запомнила? — внутри меня вибрация раздражения, скрыть которую удаётся с большим трудом. Стираю зубы, чтобы не сорваться, и пальцы невольно сжимаются в кулаки — так хочется швырнуть что-нибудь, только бы не стоять тут и не кивать послушно, будто я и правда внимаю каждому его слову.

— Да, Игорь Демидович. Не волнуйтесь, — злюсь оттого, что приходится быть учтивой с этим... даже ругательных слов жалко на этого человека... недочеловека!

— Ну-ну, девочка. Ты меня сейчас взглядом испепелишь, — «Было бы неплохо, конечно», — мелькает в моей голове. — Я же уже всё тебе объяснил. Тебе и твоим родителям. Да вы мне ноги целовать должны. Где бы ты сейчас была, девочка, если бы не я?! — округляю глаза, он сейчас серьёзно?

В его голосе столько самодовольства, что оно буквально оседает в воздухе тяжёлым, липким слоем. Хочется сделать шаг назад, увеличить дистанцию, но я стою, будто прикованная к месту, потому что любое движение сейчас будет воспринято как дерзость.

— Всё, дочка, — произносит громко, наигранно улыбаясь. — За тобой классный руководитель уже идёт.

— А классные руководители, уважаемый Игорь Демидович, у нас остались в школе, — с широкой улыбкой поясняя

ет подошедшая к нам статная женщина. — Это престижный колледж, где полным ходом идёт подготовка к учёбе в высших учебных заведениях, все ученики совершеннолетние и в этих стенах полностью несут за себя ответственность. Пора уже выпустить пташку из-под крыла.

Стелла Робертовна выглядит так, будто сама родилась среди этой строгой элегантности: прямая осанка, волосы собраны в аккуратный узел, на плечах — лёгкий кашемировый палантин, а в глазах — спокойная уверенность, которая невольно внушает доверие.

— Стелла Робертовна, — улыбается мужчина в ответ, — моё почтение, — целует ей руку, а я едва смогла сдержаться, чтобы не закатить глаза. — Я, разумеется, всё это понимаю, но так сложно это принять.

— У вас прелестная дочь! Только на вас совсем не похожа. Уж простите. И скромная такая, мы успели немного пообщаться.

— Да, она у нас в маму.

— О, ну тогда всё понятно. Марианна, — обращается ко мне моя куратор, — ты попрощалась с отцом?

— Да, Стелла Робертовна.

— Ну, так беги к сокурсникам.

— Пока, папочка, — последнее слово кислотой обжигает горло, и в груди невыносимая боль. Каждое слово отдаётся внутри острой, колючей тяжестью, будто я предаю саму себя, играя эту нелепую роль послушной дочери перед человеком,

который всё больше кажется мне чужим.

— Будь умницей, — я уже не могу его видеть. Развернувшись, иду в сторону колледжа. — В воскресенье мы с мамой ждём твоего звонка, милая!

Переигрывает! Ей-богу, переигрывает дядя.

Мне не по себе оттого, что я не только до глубокой зимы не увижу сестёр и родителей, мне не по себе ещё и оттого, что этот колледж — как тюрьма.

Ещё каких-то две недели назад всё было иначе. Я прыгала от счастья, собираясь в это самое учебное заведение. Наивная идиотка!

Я настолько была вне себя от радости, что и не замечала обеспокоенности родителей. Когда мама впервые заговорила с отцом о том, что это слишком уж хорошо, чтобы быть правдой, я очень сильно обиделась на неё. Как же сейчас мне стыдно за это. Я ведь так и не смогла с ней поговорить, а главное, так и не попросила прощения.

Я тому, что пойду учиться в этот колледж, радовалась как маленький ребёнок. Я, к собственному стыду, даже не задумывалась над тем, что совершенно посторонний мужчина тратит на меня свои деньги. И даже на то, что Игорь Демидович отказался от денег родителей, которые они ему пытались дать для того, чтобы он свои не тратил, отреагировала нормально.

Конечно, я бестолочь. Нужно было ещё тогда задуматься, а у меня почему-то мысли совершенно не о том были. Я в

какой-то юношеской эйфории пребывала, а ведь всегда считала себя здоровым и рассудительным человеком!

У нас одна только мама, как оказалось, здраво мыслила на эту тему и постепенно этим изводила себя и, в конце концов, довела, что называется, до ручки и меня, и папу.

Ради спокойствия мамы мы решили отказаться от этого колледжа прямо накануне начала учебного года — опустим подробности того, какая у меня тогда случилась истерика.

И, как и было решено ранее, я должна была сегодня не тут быть, а в педагогическом университете, что располагался в городе неподалёку от нашего посёлка, но только нам довольно доходчиво объяснили, что переиграть всё у нас уже не получится.

Разумеется, теперь нет у меня никакой радости оттого, что я нахожусь в этом месте. Теперь вся та красота, что окружает, меня совсем не радует.

Колледж располагается на возвышенности, прямо в самой глуши субтропиков.

Лес, горы, озёра. От всей этой красоты действительно захватывает дух, но мне точно теперь не до всего этого...

Вокруг — величественные кипарисы, их тёмные силуэты будто сторожат территорию; между деревьями скользят косые лучи солнца, рассыпаясь золотыми искрами на влажной от утренней росы траве. Вдалеке виднеются очертания гор, а воздух пахнет морем и хвоей — и этот запах, такой свежий и чистый, только сильнее подчёркивает, насколько чуждой я

себя здесь чувствую.

И пусть этот бессовестный мужчина, что втянул нас в эту авантюру своими золотыми сказками, и пояснял мне всю дорогу, что мне и моим родителям ничего не угрожает и я могу тут спокойно учиться, — так кто же ему поверит теперь?

Ладно, вляпались, так вляпались! Пока что ведь ничего плохого не произошло?! Даст бог, и не произойдёт.

Буду учиться и решать проблемы по мере их поступления. Постараюсь ни о чём пока и не думать!

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь прогнать из головы тяжёлые мысли, и смотрю вперёд, на массивные двери колледжа — они кажутся мне сейчас воротами в чужую, непонятную жизнь, куда я должна войти, выпрямив спину, будто ничего не боюсь. Хотя на самом деле боюсь — до дрожи, до холодного пота на ладонях.

2 Глава

Колледж поделён на два корпуса. Первый — огромное здание в три этажа, где, собственно, и будут проходить занятия. Фасад выложен светлым камнем, и в лучах утреннего солнца он будто светится изнутри; высокие окна отражают небо, делая здание похожим на строгий, но красивый дворец, который одновременно манит и пугает своей недоступностью.

Во втором корпусе — спортивные залы: целых два бассейна и хаммам для девочек.

В каждом из кабинетов новейшее оборудование, удобные, регулируемые парты, стулья с мягкой обивкой.

У каждого ученика свой планшет. В них нет ничего лишнего, только несколько программ, которые необходимы для выполнения заданий, а ещё там чат, в который учителя будут сбрасывать нам задания.

— Волкова, вам особое приглашение нужно? — едва не вздрагиваю. Казалось бы, всё правильно, и это моя фамилия, но только теперь в полной мере пришло осознание того, что я — это не я, и в этом месте меня принимают за другую. — Садись вон туда.

Учитель по высшей математике лазерной указкой показывает мне на свободное место за третьей партой первого ряда. Луч указки дрожит совсем чуть-чуть — видимо, от устало-

сти или напряжения; он прорезает воздух, как тонкий клинок, и я невольно вздыхаю, будто этот луч указывает не на парту, а на моё новое место в этой чужой, пока непонятной жизни.

В этом колледже всё современное и очень дорогое. Ну и ещё это закрытый колледж, от слова «совсем», и домой я попаду только на десять дней рождественских каникул, ну и на два месяца летних, разумеется. Других тут не предусмотрено.

Ах да, ещё телефоны нас попросили сдать и давать нам их будут только на выходных и только на пару часов, чтобы позвонить родным.

Но это не потому, что нас тут хотят запереть, как в тюрьме, вовсе нет!

В выходные дни в этом колледже проводят разного рода мероприятия, от спортивных соревнований до походов в горы и даже сплавления на байдарках. В целом не всё так плохо, к тому же сами родители могут звонить нашим кураторам в любое время.

— Так, тишину, пожалуйста, — строго командует преподаватель высшей математики. — В чате уже появилось расписание на эти три дня, но оно ещё не окончательное, будет корректировка. Стелла Робертовна временно ваш основной куратор, я на подхвате, пока не прибудет новый директор. Потом основным куратором будет он, Стелла Робертовна на подхвате, — коротко и по делу стал пояснять тучный про-

фессор. Лев Михайлович выглядит так, будто привык держать всё под контролем: его массивная фигура занимает почти всё пространство у кафедры, и голос звучит твёрдо, без лишних эмоций, словно он заранее отсекает любые возражения. — Дальше! Все необходимые учебники в библиотеке, задания старайтесь выполнять там же. Сразу оговорюсь, слишком много, в неучебные часы, вам трудиться не придётся, задания только по особенно сложным параграфам, для закрепления материала. В общем, ребята, я вас особо сейчас не буду грузить информацией об учёбе. Уверен, вы мало что запомните. Давайте, я лучше кратко расскажу об изменениях, что произошли за этот год, — учитель прошёл к столу и сел в кресло. Кресло слегка скрипнуло под его весом, и этот тихий звук неожиданно прозвучал в тишине аудитории почти как предупреждение: «Здесь свои правила, и вам придётся их принять». — Хотя вы и первокурсники, всё равно каждый из вас заочно со всем уже знаком, так как на сайтах подробно всё показано, но! Этим летом была осуществлена перепланировка женского крыла, и теперь вас по списку распределяют по боксам. Списки внизу в холле, кто с кем и в какой комнате будет жить. Бокс на две комнаты, по две девочки в каждой из комнат. Санузлов тоже два, как и душевых. Так что никаких разборок и делёжек территорий. Каждый год одно и то же, сил на вас нет!

— А что, раньше проблема какая-то была? — чуть подавшись вбок, спрашиваю у рыжеволосой девушки, что сидит

рядом со мной. Я слышала, как она говорила Стелле Робертовне, что у неё сестра заканчивала этот колледж. Соответственно, должна быть в курсе.

У девушки волосы невероятной окраски, буквально цвета осенней листвы — яркие, густые, они будто живут своей жизнью, то и дело падая ей на лицо; она откидывает их привычным движением, и в её жесте столько непринуждённости, что меня на секунду зависть берёт — вот бы и мне так легко чувствовать себя в этом новом месте!

— Ты график дня смотрела?! Подъём в шесть утра и пробежка. Раньше тут были комнаты по четыре-пять человек, два санузла на комнату и всего одна душевая. Девочки часто ссорились. Бывало, нередко до драк доходило.

— Понятно...

— Расселение строго по спискам, — продолжал учитель, — никакой ротации.

Лев Михайлович нам пояснил ещё буквально пару моментов и отправил по своим комнатам. До ужина нужно распаковать свои вещи.

— Марианна, ты не против, если я займу пару полок в твоём шкафу?

— Что? — я даже растерялась от такой наглости. Внутри всё сжалось, а в груди заколотилось сердце — я привыкла уступать, привыкла сглаживать углы, но сейчас эта просьба прозвучала для меня как первый настоящий вызов.

— Ну, просто у тебя вещей намного меньше, чем у меня,

и вообще я хотела...

— Извини, Сабрина, но нет! — отказывать, да ещё и столь хладнокровно, я совершенно не привыкла, но у меня четыре старшие сестры, и все они, живя в своё время кто в общежитии, кто на квартире с соседками, пережили одно и то же: конфликты на бытовом уровне, потому что изначально позволили на себе ездить. — Будет неудобно потом просить тебя освободить мой шкаф, потому что мне привезут тёплые вещи ближе к холодам.

— Мм, ну понятно! — Сабрина даже не попыталась скрыть своё недовольство. Цокнув языком, она скривила лицо и вышла из нашей общей комнаты. Её шаги по коридору звучали довольно громко, будто она хотела, чтобы я точно поняла: она обижена и не собирается это скрывать.

У моей старшей сестры, Ольги, два высших образования, и она у нас без пяти минут доктор наук. Она супермозг нашей семьи, но те, кто плохо её знают, думают совершенно иначе. Так вот! Оля в меня вцепилась мёртвой хваткой и на протяжении всего периода, пока я готовилась к поступлению в этот колледж, зная мой бесхребетный характер, она мне буквально вдалбливала то, как я должна себя тут поставить.

Наверное, стоит сказать о том, что Оля с самого начала вообще не хотела, чтобы я сюда ехала. Вот именно об этом она мне и говорила: что все богатенькие девочки — надменные курвы, и они сразу поймут, что из меня можно вить верёвки. И похоже, что Оля была права, потому что уже через

пятнадцать минут я зашла в ванную и увидела, что для меня Сабрина тут оставила одну только маленькую полочку, и то не в верхнем шкафчике, а внизу под раковиной, где должны храниться предметы личной гигиены.

— Даже не надейся! — слышу за своей спиной. — Шкаф один, и он общий.

— Всё верно. Тут две полки, одна тебе, вторая...

— Тоже мне! — произносит почти по слогам, с нажимом.

— Я что-то не пойму, — вкладываю в свой голос всю невозмутимость, но внутри при этом всё дрожит от страха. Я совершенно неконфликтный человек, но поставить себя как-то мне действительно надо! — Кажется, куратор ясно дал понять, что...

— Рот свой закрой!

И я закрыла. Не то что подчинилась, я просто онемела от такой дерзости.

— Мой отец главный спонсор этого колледжа, и я тут...

— Такая же студентка, как и остальные, — раздался низкий голос за моей спиной. Сабрина, вздрогнув, миг изменилась в лице. Уставилась куда-то поверх моей головы. Я обернулась. — Бобрыкина, у нас, кажется, уже с тобой был разговор на тему дисциплины.

— А я и не нарушаю дисциплину, Кирилл Дмитриевич. Я просто попросила свою соседку уступить мне немного, и...

— Избавь меня от подробностей, Сабрина, — подняв руку ладонью вверх, высокий светловолосый мужчина лет трид-

цати-тридцати пяти заставляет мою соседку по комнате замолчать. Его поза спокойна, но в ней столько властности, что дух захватывает. Он не повышает голоса, но каждое его слово звучит как окончательный приговор.

— Так, ты у меня кто?

— Марианна Волкова, — отвечаю с запинкой.

— О, да ладно?! — молодой мужчина, приподняв в удивлении бровь, куда более внимательнее меня рассматривает. — Честно говоря, я тебя представлял себе иначе, — я молчу.

Дочь Игоря Демидовича я видела только один раз, и мы с ней действительно очень разные, и не только внешне. Она приезжала, чтобы отвести меня в салон красоты.

Девушка она довольно надменная, и хотя она очень старалась быть доброй, её высокомерие было слишком сильно заметным.

В салоне красоты мне поменяли форму бровей, сделали татуаж. Я, кстати говоря, его очень сильно боялась. Боялась быть похожей на Римму, нашу соседку. Она сбрила свои брови, и её муж-тюремщик набил ей новые. В общем, почему-то у меня именно с ней ассоциировался косметический татуаж, но на деле получилось очень даже красиво, а главное, натурально, даже папа ничего не заметил. Просто он у нас ярый противник современной косметологии.

Ещё мне сделали чистку лица и немного сменили оттенок волос. Теперь я стала буквально на пару тонов темнее. Только вот на Марианну всё равно мало чем походила.

Также она подарила мне очень дорогую косметику, показала поэтапно, что и как я должна наносить. Когда мы пробовали краситься, мне показалось, что Марианна осталась недовольна тем, что для того чтобы стать похожей на ухоженную девушку, мне достаточно совсем немного выровнять тон лица, нанести румяна и блеск на губы, в то время как ей свою серую кожу приходилось замазывать не меньше часа. Марианна при мне смывала макияж, чтобы я поэтапно, шаг за шагом, повторила всё за ней.

— Ну, для дочери Молота у нас особые привилегии, — вырывает меня из размышлений мужчина. Он, кстати, если я не ошибаюсь, преподаватель испанского языка, а значит, потенциально мой любимый учитель.

Помимо родного языка, я знаю английский, ну, впрочем, это и понятно, его я учила в средней школе, а вот французский и испанский я учила вместе с Настей, она тоже моя старшая сестра, и она в прошлом году закончила иняз.

Всего нас у родителей семеро: шесть девчонок, и младшему нашему брату ещё года нет.

Но это не тот случай, когда родители очень мальчика хотели, поэтому старались. Мама у меня дочь священника и всегда хотела большую семью. Но дедушка не то что прямо слишком у нас религиозный. Маму не воспитывали по заветам. Да дедушка и прослужил-то при церкви всего десять лет, потом снова занялся научной деятельностью.

А папа у меня, он... он простой, добрый и детей очень лю-

бит. Несмотря на то что нас много, мы никогда не чувствовали себя обделёнными. Разве что мы очень редко ездили на отдых полным составом. Не больше одной недели в год, папа не мог себе позволить более длительный отпуск.

Но зато мы ни в чём не нуждаемся. Мама тоже работает, едва досиживает декрет, как выходит на работу. Она учительница старших классов и работает в две смены.

— Мне не нужны никакие привилегии, — отвечаю я учителю.

На пару мгновений Кирилл Дмитриевич замер. Мне показалось, что он не совсем это ожидал услышать.

3 Глава

— Не обольщайся, я пошутил, — тон блондина стал чуть более пренебрежительным. Мне даже как-то не по себе стало. Невольно вжимаю плечи, будто пытаюсь стать меньше. По спине от этого небрежного, почти равнодушного тона пробежал холодок.

— Ой, ну слава богу! — не унимается девушка.

— Собираться обратно долго? — мужчина задаёт этот вопрос мне.

— Да нет, у неё вещей, как у нищей, — Сабрина не даёт мне раскрыть рта.

— У её папаши... — мужчина осекается, но я всё равно понимаю, что он хотел сказать. — У папули её денег в пять раз больше, чем у твоего. А за последние три месяца он ещё разбогател! Да, Марианна?!

В груди всё сжимается до боли. Мне приходится приложить максимум усилий, чтобы подавить в себе нахлынувший гнев. «Он говорит не про моего папу», — мысленно повторила себе раз десять, и только потом смогла успокоиться.

В целом Сабрина всё верно сказала. Вещей у меня немного. Если так разобраться, ну, глядя, например, на ту же Сабрину, Игорь Демидович здорово сэкономил на мне.

Вещи у меня все брендовые, это да, даже нижнее бельё. Его для меня выбирала сама Марианна. Но у меня действи-

тельно немного вещей. По меркам здешнего общества, разумеется.

А мне самой так в самый раз!

— Это всё? — в удивлении приподнимает бровь Кирилл Дмитриевич, глядя на мой небольшой чемодан и рюкзак. В его взгляде мелькает не столько удивление, сколько лёгкая растерянность — будто он ожидал увидеть что-то более внушительное, более «правильное» для этой обстановки, и теперь не знает, как к этому относиться.

— Да, всё.

— Действительно негусто. Идём!

Мы прошли к лестнице и поднялись на четвёртый этаж.

— Разве это не этаж для преподавателей и персонала?

Ответом мне было равнодушное молчание.

Разумеется, мне было очень любопытно посмотреть, как обустроено тут всё у преподавателей, но Кирилл Дмитриевич шёл слишком быстро, и я едва за ним поспевала. Успела мельком разглядеть просторный холл с огромной плазмой и мягкими диванчиками, и спортзал с силовыми тренажёрами. Кстати, к гадалке не ходи, учитель испанского регулярно его посещает. У мужчины довольно натренированное тело. В широких коридорах витал едва уловимый запах полироли и свежего кофе, а приглушённый свет бра создавал ощущение какой-то обособленной, почти закрытой от остального мира жизни — будто этот этаж существовал по своим, особым правилам, куда посторонним вход был заказан.

Мы проходим по широкому коридору, свернув направо, делаем ещё пару шагов, и я на мгновение теряюсь!

Мужчина отодвигает в сторону плотный полиэтилен и пропускает меня внутрь.

— В этом году учащихся на четыре человека больше положенного. Поэтому в течение первого полугодия четверо из учеников первого курса имеют все шансы на вылет, — профессор толкает одну из дверей и жестом велит мне войти.

Это комната немного поменьше той, в которой я должна была жить вместе с Сабриной, и она... она грязная!

Огромный слой пыли, строительной пыли. Тут, судя по всему, летом сделали ремонт, но уборку за собой не провели. Даже упаковки из-под инвентаря, а также куча целлофана лежали в углу. Пыль так же плотным серым слоем была на подоконнике и полках, и воздух был сухим и тяжёлым, с горьковатым привкусом штукатурки.

— Комнат на третьем этаже не хватило на всех, так что тебе повезло. После занятий тишина и спокойствие, и шкафчики не с кем делить не нужно, — я смотрю на блондина и пытаюсь разгадать по его лицу, он смеётся надо мной или просто издевается. Его лицо оставалось непроницаемым, и эта невозмутимость пугала даже больше, чем открытая насмешка: я не могла понять, есть ли в его словах хоть капля заботы или это просто сухая констатация факта, за которой не стоит ничего личного.

— Кстати, — делает шаг назад, — душ, — указательным

пальцем тычет на узкие двери в коридоре, — а там туалет.

Я просто утвердительно киваю.

— Ну ты давай, располагайся. Папульке привет, — последнее сказано было с усмешкой.

Я осталась одна посреди пыльной комнаты. Просто стояла, не шевелясь какое-то время, отходя от шока. Тишина здесь была особенно давящей. Она будто оседала на плечи, заставляя чувствовать себя ещё более одинокой. Я снова обвела взглядом голые стены и скомканный полиэтилен в углу. В груди поднялась волна глухой обиды, которую я тут же постаралась затолкать куда-то вглубь, потому что плакать сейчас было нельзя — не здесь, не в этом месте.

Это, вообще, что?

Это, вообще, как? Это вот такое отношение — норма, что ли?

Да ну... Ну как возможно вообще такое?

Вопросов сумбурных много, ответов на них нет. Как и времени идти на ужин.

Иду осматривать полностью свои владения! Похоже, что жить я тут буду одна!

Да, ремонт тут был. Душевая с огромной чашей, в ней можно прямо как в ванне мыться, она достаточно глубокая.

Вот с неё я и начала...

В небольшой кладовой была химия для уборки, там же я нашла тряпки и швабру. Вода стекала по рукам, а пена оседала пушистыми хлопьями на бортиках, и с каждым движением

ем тряпки я будто возвращала себе каплю контроля над ситуацией. Если я могу сделать чистым хотя бы это пространство, значит, я и с остальным справлюсь.

Ванную я отмывала не меньше двух часов, потому что абы как я не умею, соответственно, я не успокоилась, пока не увидела в кафельной плитке своё отражение.

То же самое я провернула с санузлом, но на него у меня ушло гораздо меньше времени, так как его площадь значительно меньше ванной комнаты.

В комнате, которую мне выделили, пришлось развести сырость. Я при помощи щётки побрызгала все поверхности, чтобы спокойно подмести всё, не поднимая пыли.

Наводить порядки мне не привыкать, у нас достаточно большой дом, и помимо обычной уборки, раз в полгода мы делаем генеральную, с частичным выносом мебели и выбиванием ковров. Перемываем все комнаты и даже чердак приводим в порядок периодически.

В общем, не сказать, что было просто, но уже к одиннадцати вечера я закончила с уборкой.

Постельное бельё мне никто тут не выдал, я даже не знаю, у кого могу его спросить?! Благо матрас, который лежал на красивой полуторной кровати, был хорошо упакован в целлофан, и, сняв его, я улыбнулась, обнаружив совершенно белоснежную поверхность.

Вот на него, одетая в плотную пижаму с собачками, я и улеглась спать, голодная и злая!

— Мари! Мари, подожди меня.

По лестничному пролёту я спускалась вроде как одна, только поэтому обернулась.

— Ты тоже решила в первый учебный день спуститься пораньше? — всё-таки Мари назвали меня. Та самая рыжеволосая кудрявая девушка с мелкими веснушками на носу, что сидела вчера со мной за одной партой, догнала меня, зашагала рядом со мной. Её кудри пружинили при каждом шаге, а веснушки на носу казались россыпью золотых искорок. Девушка улыбалась так легко, будто не замечала всей этой напряжённой, колючей атмосферы колледжа, и от этой непринуждённости мне самой стало будто бы спокойнее.

— Да, хочу немного осмотреться, — после вчерашнего выпада Сабрины я чувствую скованность оттого, что не знаю, могу ли я кому-то здесь доверять. Головой я понимаю, что меня здесь принимают по финансовому статусу равной другим, но внутренне я перестроиться пока не могу.

— Меня, кстати, Саша зовут.

— Так Саша или Алекса? Просто вчера на переключке тебя назвали Алекса Рябинина.

— По паспорту я Александра, но моя мама лет с десяти, когда наш семейный статус значительно поднялся в определённых кругах, начала звать меня Алекса. Ну и, соответственно, всем меня так представлять. Мол, звучит стильно и всё такое.

— Я поняла, — улыбаюсь.

Кажется, эта девушка не выпендрёжница, может, мы и сможем с ней подружиться.

— Тебя с кем, кстати, поселили? Тебя на ужине не было, я искала тебя, но так и не нашла.

— Кирилл Дмитриевич поселил меня в самые шикарные апартаменты из здесь имеющихся, — девушка нахмурилась. — Он сказал, что в этом году первокурсников чуть больше положенного и мест на всех не хватило. Меня поселили...

— Твою мать, Волкова!

Я даже растерялась, но, обернувшись в сторону преподавателя испанского языка, что выскочил из-за угла, как чёрт из табакерки. По выражению его лица я поняла, что нецензурная фраза вылетела из его рта ненамеренно.

— Прошу прощения за... — наверное, хотел сказать «за несдержанность», но, видимо, на полуслове передумал, — Марианна, я забыл про тебя! — как то и резко, и в то же время, устало и обречённо говорит мужчина.

— В каком смысле? — правда, не понимаю, о чём он говорит.

— На ловца и зверь бежит, — произносит, глядя куда-то за наши с Сашей спины. — Ульяна Рашидовна, будьте добры.

Кирилл Дмитриевич жестом подзывает женщину, которая вышла, судя по всему, из подсобки, волоча за собой тележку с вёдрами и швабрами.

— Доброе утро, Кирилл Дмитриевич.

— Доброе. Ульяна, нужно срочно навести порядок в ре-

зервных комнатах на четвёртом этаже. Девочку вчера заселили, а я с Долговой и Макаровой пока разбирался, про Марианну напрочь забыл. Ты как там спала-то вообще? — этот вопрос учитель задал уже мне.

— Нормально, — ответила чуть растерянно пожимая при этом плечами, будто мне всё равно. Хотя на самом деле достаточно неприятно от понимания, что я настолько незначительная личность, что обо мне так просто можно забыть.

Ещё профессор называется. Это край безответственности с его стороны.

— Кирилл Дмитриевич, ну а что с девчонками-то там?

— Макарова ещё в медпункте. Долгова под вопросом на исключение. В пятницу её родители приедут, будем разбираться.

— Ой, ну надо же. Новый директор будет разбираться? Когда он приезжает?

— Я буду разбираться. У нового директора и так будет чем себя занять. Лагунов после себя такой бардак в документации оставил... — женщина открывает рот, при этом кивая головой, очевидно, хочет повторить второй вопрос, но блондин её перебивает, — да приехал уже. Под утро все приехали. В двадцать третьей комнате пусть свежее бельё постеляют. И обе комнаты на четвёртом этаже подготовьте. Одну для Волковой Марианны, ей в крыле девчонок места не хватило. Вторая комната, та, что побольше, для Илоны Богдановны. Она у нас на место главного бухгалтера пришла. И постарай-

тесь до конца занятий успеть. Весь хозперсонал загоните туда, скажите, я велел.

— Кирюша, — женщина, подавшись чуть вперёд, тихо спрашивает, — а это разве правильно, что ученица, да ещё и первого курса, с преподавателями на этаже жить будет?

— Нет, неправильно, — отвечает тоже тихо, просто подыгрывая женщине. Разумеется, они оба понимают, что мы их прекрасно слышим, — но выбора нет. Не к вам же её подселять?!

Женщина уходит, а Кирилл Денисович снова обращается ко мне.

— Волкова, я надеюсь, ты достаточно воспитана, чтобы не светиться в крыле преподавателей лишний раз. После занятий туда-сюда не бегать.

— Хорошо.

Всё что смогла ответить, после чего мы с Алексой наконец смогли последовать своему прежнему маршруту.

4 Глава

Первая пара — молекулярная физика. Пожилой, но достаточно подвижный профессор говорил так быстро, что мы едва за ним поспевали. Его голос звучал как стремительный поток, в котором слова сливались в единый ритм, и приходилось ловить каждое из них, чтобы не потерять суть. Мужчина двигался по аудитории с неожиданной лёгкостью. Но удивительно то, что, несмотря на его торопливость, лично мне всё было предельно понятно.

— Итак, кто мне ответит? При понижении абсолютной температуры идеального газа в полтора раза средняя кинетическая энергия теплового движения молекул...

Ислам Мухамедович обводит взглядом весь наш поток и настолько резко показывает на меня небольшой указкой, что я теряюсь. Указка в его руке дрогнула лишь на долю секунды, и этот резкий жест ударил по нервам.

— Ну, Волкова, порауйте нас вашими школьными знаниями.

— Эмм, — на пару секунд напрягаюсь, пытаюсь вспомнить. — Средняя кинетическая энергия теплового движения молекул идеального газа прямо пропорциональна абсолютной температуре.

— То есть?

— При понижении абсолютной температуры в полтора ра-

за средняя кинетическая энергия также уменьшится в полтора раза.

— Очень хорошо, Марианна, — профессор, смотря с прищуром, задаёт ещё один вопрос. — При неизменной концентрации молекул идеального газа средняя квадратичная скорость теплового движения его молекул увеличилась в четыре раза. Во сколько раз изменится давление газа?

В его прищуре читалось не столько сомнение, сколько азарт — будто он проверял не мои знания, а способность держаться под давлением, и я вдруг поняла, что не имею права дрогнуть, не имею права показать, как сильно волнуюсь.

— Давление идеального газа пропорционально произведению концентрации молекул газа и квадрату средней квадратичной скорости их теплового движения, — мой голос от волнения и напряжения звучит искусственно.

— Быстро формулу на доску.

Встаю с места и иду к доске. Формулу я хорошо помню, но всё равно меня не отпускает внутренний мандраж. Каждый мой шаг отдаётся глухим эхом в груди, а ладони предательски потеют. Мелок в пальцах кажется неожиданно тяжёлым, будто сам воздух сопротивляется тому, чтобы я доказала, что чего-то стою.

— Марианна Волкова, мы с вами определённо подружимся, — с улыбкой говорит учитель, глядя на сделанную мною запись. В его улыбке не было снисходительности — скорее, сдержанное одобрение.

В дверь стучат, и мы с учителем синхронно смотрим в её сторону.

— Ислам Мухамедович, — металлический голос пререзает тишину, — вы позволите?

Внутри всё замирает, когда я вижу его...

Тимерлан Багаудинов. Бездушный монстр, который украл мои сны...

Мне было пятнадцать!

После сложного перелома ноги родители отправили меня в очень хороший оздоровительный лагерь. Когда я туда приехала, он уже был там.

У Тима было перебинтовано плечо, и он плохо двигал правой рукой. Тимерлану было сложно, но не оттого, что приходилось переучиваться делать всё левой рукой. Тим буквально бесился оттого, что вокруг него постоянно находился медицинский персонал, бесконечно предлагая свою помощь.

Никто из них не замечал, что их «забота» делает его слабым.

В том центре было много всего, и парень сначала вежливо — если, конечно, так можно вообще сказать про этого человека — просил оставить его в покое, потом кричал, прогонял всех, злился. Но его никто не слышал.

Когда Тим впервые сорвался, я очень испугалась! Тимерлан сломал медбрату челюсть за то, что тот подал выпавшую из больной руки Тима книгу.

Мне было жутко видеть скорчившегося от боли медработ-

ника, но вместе с этим я понимала: его действие было лишним.

Тимерлан не был беспомощным.

Да, у него болело плечо и почти совсем не работала рука, но он всё равно со всем прекрасно справлялся!

Я понимала чувства Тимерлана. Нет ничего хуже беспомощности!

За то время, пока я была прикована — сначала к постели, потом к инвалидному креслу, я в полной мере поняла, какво это — быть обузой для других, быть практически недееспособным человеком.

Мне запрещали шевелиться, да впрочем, я и не могла этого делать. Я лежала в постели, и за мной ухаживали врачи, а потом и мама с сёстрами...

Этот период отчаяния я никогда не смогу забыть!

Только через полгода меня пересадили в кресло, а ещё через два месяца наконец позволили ходить хотя бы на костылях.

Я попала в центр через знакомого моего лечащего врача. Это было необходимо для полного выздоровления, чтобы я не осталась хромой.

Знаю, как сильно моя реабилитация ударила по карману моих родителей, да и моих старших сестёр тоже.

Я научилась вставать в пять утра, потому что в это время просыпался он. Тим, одетый в одни лишь спортивные штаны, выходил во двор и упражнялся с длинными палками. Он так

красиво ими управлял...

Я не могла оторвать от него взгляда. Этот поистине мужской танец завораживал. Каждая идеально проработанная мышца плавно перекачивалась, каждое его неспешное, но уверенное движение заставляло моё сердце замирать.

Наверное, именно тогда я влюбилась в него, и вот уже три с половиной года этот парень в моих мыслях и моих снах.

— Тимерлан, — профессор в один момент стал очень серьёзным. — Проходи, — парень обвёл взглядом всех присутствующих и прошёл вперёд.

«Что он тут делает?» — мысленно я задаю себе этот вопрос. Сердце бьётся так сильно, что кажется, его стук слышен на всю аудиторию.

Я точно знаю, что Тимерлан почти на три года старше меня. Я это знаю, потому что своё восемнадцатилетие он отмечал как раз в том самом реабилитационном центре. К нему тогда приезжали друзья и во всеуслышание горланили: «С совершеннолетием, брат».

Может, он тогда, так же как и я, пропустил год учёбы? Опять же, если только год. Ну, а смысл больше? И опять же, я ведь не знаю, что было до его больной руки.

Тим прошёл к задним партам и сел за одну, при этом небрежно бросив рюкзак на пол рядом с собой. Я безотрывно, чуть приоткрыв рот, смотрела на него, и, словно почувствовав это, он посмотрел на меня.

Рефлекторно делаю шаг назад.

Внутри всё холодеет от острого взгляда, насквозь пропитанного презрением и ненавистью.

Я это очень чётко вижу, но не понимаю почему. Вернее, за что?

Узнать он меня точно не мог. Хотя бы потому, что я наблюдала за ним только со стороны.

Да я и вовсе не уверена, что за тот месяц, который мы пробыли с Тимом на одной территории, он меня хоть разок заметил.

Я сотню раз хотела подойти к Тимерлану и познакомиться, заговорить с ним, но опасалась, что и мне он ответит грубостью.

А ещё с того времени я повзрослела!

Полностью исчезли прыщи переходного возраста, и я немного поправилась.

Да, я и сейчас очень худенькая, но тогда и вовсе была кожа да кости.

А вот он совсем не изменился, разве что стал ещё шире в плечах и как будто бы выше.

А может, я сейчас его взгляд расцениваю неверно? Вдруг он всё-таки тогда меня видел и сейчас узнал?

Я становилась свидетелем его уязвимости, видела Тима слабым, и он, возможно, именно поэтому злится, боится, что я всем расскажу. В этом случае понятно, почему он на меня смотрит именно так!

— Марианна, ты молодец. Отлично, — говорит профес-

сор, ставя отметку в электронный журнал. — Садись на своё место.

Взгляд Тимерлан не опускает. Мне сложно идти, но я двигаюсь вперёд, сажусь на место, и на протяжении всей оставшейся пары мой затылок нещадно горит, потому что Тим смотрит.

— Девочка... — выйдя из аудитории после пары, я слышу смутно знакомый женский голос. — Марианна, да?

— Да! — подтверждаю имя для женщины, которую отправили убирать мою комнату.

— Это ты порядок там навела? — спрашивает с явным недоверием. В её глазах читалось удивление.

— Ну, не в грязи же было ложиться спать.

— И ванну с туалетом?

— И их тоже, — рефлекторно пожимаю плечами.

— Даже не знаю, что сказать. Я тут много лет работаю, и бывают, конечно, девочки, которые за собой порядок наводят, но чтобы вот так. Ты нам, можно сказать, выходной сделала!

— На здоровье, — снова в рефлекс пожимаю плечами.

— Можно, моя дочка тебе всё по своему вкусу обустроит? Она у меня всё на дизайнера хочет пойти учиться, но в этом году провалила иностранные языки. Вернее, один. Английский сдала худо-бедно, а то направление, которое она хочет, требовало ещё и испанский, вот его она провалила с треском. Я её сюда пристроила на этот год, и поработает, и

Кирилл Дмитриевич согласился поднатаскать её по языку.

— Простите, как вас?..

— Ульяна Рашидовна.

— Ульяна Рашидовна, я вашей дочери только благодарна буду, — на самом деле мне всё равно, как и что там будет, лишь бы порядок.

— Ага, хорошо. Спасибо!

— Это вам спасибо, — улыбаюсь и быстро перебираю ногами. В туалет уже не успею, бегу на пару по экономике.

5 Глава

— Марианна, ты где ходишь? — я вошла в кабинет вместе с сигналом, оповещающим о начале урока. — Этот предмет ведёт новый директор, — Саша ейчас говорит вполголоса, почти шёпотом. При этом её голос дрожит от едва сдерживаемого волнения, а глаза блестели то ли от азарта, то ли от страха. — Говорят, он очень суровый мужик.

— Саш, всё нормально, я не опоздала, — не могу удержаться, чтобы хотя бы мельком не обернуться. Мне нужно было убедиться, что Тимерлан здесь, что он мне не приснился.

Боже...

Сердце замирает, и я делаю несколько вдохов, стараясь взять себя в руки. Потом снова поворачиваюсь к Саше.

— Директора самого ещё нет. Нечего волноваться.

И только, что называется, вымолвить успела...

Да уж. Мороз по коже. Вот это действительно мужчина, так мужчина. Сильные руки, обвитые тугими венами. Рукава его белой рубашки, закатанные до локтей, позволяют это рассмотреть. Да и вообще...

Мужчине точно больше тридцати, даже больше тридцати пяти, наверное. Густая, чуть отросшая борода мешает определить его приблизительный возраст. Но это точно уже довольно зрелый мужик с очень натренированным телом. Даю

голову на отсечение, что в прошлом, а может и в нынешнем ещё, присутствует силовой спорт!

В его фигуре чувствуется не просто сила, а привычка к контролю — каждое движение выверенно. Да он даже стоит так, чтобы все вокруг понимают: здесь решает он.

— Всем добрый день! — низкий резкий голос пробирает до мурашек. — Зовут меня Багаутдин Амирхан-Хаджи. Отчество не склоняется, фамилия тоже. Если запутаетесь, ругать не буду, но всё же прошу постараться запомнить, это не сильно сложно.

Багаутдин? Как Тимерлан?

Нет, Тимерлан Багаутдинов. Или нет?

Вообще, я не знаю, склоняется фамилия Тима или не склоняется.

Впрочем, не отец он ему точно, не подходит по возрасту, но...

Смотрю на сурового мужчину и вижу некую схожесть. Единственное, Тим — он просто брюнет, а Амирхан ещё и смуглый.

Жгучий брюнет с густыми ресницами и чёрными глазами.

У мужчины настолько подавляющая энергетика, что, кажется, не только я не дышу сейчас, полгруппы замерло. Воздух стал густым и физически сложно сделать полноценный вдох.

— С этого года я являюсь директором колледжа и вашим куратором, — снова заговорил мужчина. — Все вопросы ка-

сательно не только учёбы, но и бытового плана, ко мне. Но хочу вас сразу предупредить, что со всякой хернёй, по поводу дележа или несоблюдения порядков в ваших комнатах, это к Кириллу Дмитриевичу, он ответственный за ваш досуг. Или Стелла Робертовна, она меня подстраховывает. Я решаю только действительно серьёзные проблемы: буллинг, травлю среди учащихся, унижения, драки. В общем, думаю, мы друг друга поняли.

— Он сказал «всякой хернёй»? — едва слышно, немного подавшись в мою сторону, спрашивает Саша. Девушка нервно покусывала губы, а в голосе её слышалась смесь недоумения, испуга и восторга.

— А я думала, мне послышалось.

— Ну чё, попробуем прогулять разочек его пару?

Я понимаю, Саша шутит, но отвечаю ей вполне серьёзно.

— И не подумаю. Я на расстоянии-то его уже боюсь. Даже не представляю, что со мной будет, если он начнёт меня отчитывать.

— Волкова, встать! — от неожиданности у меня из рук вылетает шариковая ручка и отлетает аж до первой парты второго ряда.

Меня заметно затрясло, и со стула удалось подняться не с первого раза. Колени предательски подгибались, а пальцы скользили по спинке стула, будто не могли найти опору. Я чувствовала себя беспомощной, как тогда, когда только училась вставать после травмы — и этот страх снова накрыл ме-

ня с головой.

Директор смотрит мне прямо в глаза, и я не могу поверить... В них я читаю ровно то же самое, что прочла в глазах Тима на первой паре. Тимерлан тоже сейчас смотрит на меня, я чувствую это и боюсь, что смотрит он снова с точно таким же презрением, как Амирхан-Хаджи.

— Я что-то не понял! Я давал тебе разрешение рот открывать? — он не кричит, но словами бьёт наотмашь. От страха меня парализует, я вообще говорить не могу, а он выдерживает паузу, словно ждёт ответа. — Села! — на этот раз сказано ещё более резко.

Колючий ком подкатывает к горлу. На меня в жизни никто не орал, никогда. Даже в детстве. Хотя я иногда давала повод, но мои родители предпочитают демократическое воспитание.

Мне едва удаётся сдержаться и не расплакаться. В общем, не даёт мне разреваться всё тот же низкий строгий баритон.

— Записываем задание. Микроэкономика...

Записывала я то, что говорил новый директор, как робот, на автомате, но при этом в голове совершенно пусто, я просто не могу теперь усваивать материал. Буквы пляшут перед глазами, строчки сливаются в одну серую полосу, а ручка в пальцах кажется неожиданно тяжёлой. Каждое движение даётся с огромным усилием.

Напряжение во мне растёт с каждой минутой, и в конце концов у меня разболелась голова, да так сильно, что потом-

нело в глазах.

Я пару до конца досидела с огромным трудом и, наверное, если бы не Саша, которая вела меня едва ли не под руку, вряд ли я бы вообще дошла до последнего урока.

— Мари, ну ты как, отошла немного?

— Да, голос учительницы английского взбодрил малость, — мне даже удалось улыбнуться, а Санька, хихикнув, хрюкнула, после чего мы и вовсе расхохотались.

Смех вырывался наружу неожиданно, будто прорвав плотину напряжения, и на пару мгновений весь страх и обида растворились в этом нелепом, заразительном хохоте.

Учительница по английскому приболела, но мы не со зла сейчас над ней смеёмся. Очень жаль, что она простудилась, но её заметно осипший голос и без того звучал, как у Скруджа Макдака, так она ещё из-за заложенности носа хрюкала через раз, и Саша её сейчас очень забавно передразнила.

— Голова прошла?

— Да, прошла почти.

— Зверь мужик, да? — разумеется, я поняла, что Алекса вернулась к теме нашего директора.

— Да! И лучше я на его уроках высовываться не буду.

— Ты хоть тему поняла? Так-то вроде бы несложная.

— Если честно, то не очень, — вздыхаю. — Вообще не поняла, если честно. Сейчас перекусим, и я пойду в библиотеку, попробую сама разобраться.

— Я с тобою пойду, — говорит Саша, цепляясь за мой

локоть.

В буфете мы съели по овощному салатику и, набрав про запас булочек с корицей, которые тут, на удивление, невероятно вкусные, пошли в противоположную часть здания, где располагалась огромная библиотека.

Конечно мы делали всё втихаря. Чтобы никто с булками нас не застукал.

6 Глава

Амирхан узнал о том, что Молот хочет вывезти свою дочурку за границу, и сделал всё, чтобы перекрыть ему все пути.

Амир понимал: если девицу вывезут, велика вероятность, что её уже не удастся достать.

Хан сидел в своём кабинете в загородном доме — единственной недвижимости, которую удалось сохранить. Окно было приоткрыто, и в комнату проникал холодный ветер, будто сам дом напоминал хозяину, что теперь здесь нет уюта, а есть только крепость, где нужно держать оборону. На столе громоздились папки с документами, исчерканные пометками, а рядом лежал старый семейный альбом, который Амирхан то открывал, то захлопывал, не в силах смотреть на счастливые лица, ставшие теперь лишь болезненным напоминанием о том, чего его лишили.

Амир раздумывал над тем, как будет уничтожать мерзкое отродье Молота, что посмело так хладнокровно погубить тот цветок, который он бережно выращивал.

Эвелина была тем светлым лучиком, который не позволял Амирхану озлобиться, ожесточиться.

В сотни раз было бы проще устранить то или иное препятствие жёстким выпадом. Наказать всего раз — и этим дать понять, что не стоит тянуть грязные лапы туда, куда не сле-

дует. Но пачкать свои руки в крови — значит бросить тень и на неё. Амир себе подобного не мог позволить.

Раньше не мог. Теперь же внутри него только яд, ненависть и злоба.

Плевать, кого втоптывать в землю. У нечисти нет мужского или женского пола.

Теперь уже не важно, сколько жизней придётся загубить, чтобы вернуть себе всё, что принадлежало их семье.

Доброта Амирхана в конце концов сыграла против него. Да что там против него — плевать на себя. Доброта и милосердие всей семьи сыграли против всех. Когда большая беда постучалась в двери, в спину нож вонзили те, от кого ожидалось меньше всего.

У Молота были соратники — соратники даже среди тех, кому не только Амир когда-то протягивал руку, но и его отец.

Возможно, сам Амирхан смог бы пережить своё унижение, закрыться в себе, захлебнуться в собственном горе, но задета честь всей семьи, и это не останется безнаказанным!

Он больше никогда не станет тем, кем был. Не будет видеть перед собой света, отомстит всем, кто посмел растоптать самое главное в его жизни. То, ради чего он жил.

Игорь Демидович Волков, он же Молот, хорошо понимал, что то, что его дочь натворила, не сойдёт на этот раз ей с рук. По крайней мере, такой человек, как Амирхан, ей не простит. Да никто бы не простил!

То, что Молоту удалось влезть в бизнес семьи Багаутдин и выдрать его практически с корнем, — это поистине везение. Игорь тогда знал, что всем им не до империи. Он действовал быстро, как всегда, грязно и низко.

Пришёл прямо на фирму, что существовала уже не одно десятилетие. Создавалась она ещё прадедом Амирхана и с каждым поколением только росла и процветала.

Волков пришёл под видом нового партнёра, говорил убедительно, знал, что пожилой управляющий, который имел право подписи в большей части важной документации, не станет звонить главам компании и всё уточнять: ведь у всей семьи такое несчастье...

Правда, сам Молот на тот момент ещё не знал, что его взбалмошная дочурка имеет к трагедии самое прямое отношение. Иначе бы он не терял времени. Действовал бы по-другому, жёстче, и сразу же бежал бы со всей семьёй из страны.

Волкова многие презирали, ненавидели, но в то же время боялись. Знали, что лучше смолчать, чем в подворотне словить пулю в лоб.

Волков знал, где нужно показать зубы, а где, напротив, максимально прогнуться. Был жив, пока только благодаря этому.

Бизнес Багаутдина был чистым, что в целом в наше время являлось редкостью.

Любой богатый человек, стремясь стать ещё богаче, нахо-

дил обходные пути и богател в геометрической прогрессии.

Но семье Багаутдин каким-то образом удавалось богатеть, не нарушая законов. Во многих кругах это было поводом для уважения — причём нередко уважения тех, кто вообще весь свой бизнес строит на сплошном нарушении этих самых законов. Как раз этого Молот не учёл и проблем нажил себе ещё больше.

Теперь единственное, на что Волкову приходилось рассчитывать, — это время. Время, пока огромная дружная семья ещё не до конца пришла в себя.

Молоту нужно было успеть осуществить задуманное, иначе теперь уже его семье несдобровать.

— Ну что? Как съездил? — Тим, как всегда, без стука вошёл в кабинет Амира и уселся в мягкое кресло напротив дяди. Его движения были резкими, будто он сдерживал внутри столько энергии, что она искала любой выход. В глазах Тима читалась готовность действовать, и эта собранность, эта готовность броситься в бой сейчас казалась Амирхану почти болезненно яркой на фоне его собственной тяжёлой, давящей усталости.

— Тимерлан, не до тебя сейчас.

— Совсем плохо?

— Не спрашивай, — строгий ответ и ни капли жалости. Амирхан всё выкричал в первый же день.

— Я с тобою поеду, Хан.

— Куда?

— В джунгли.

Амир понял, что племянник что-то узнал.

Тимерлан первым взял себя в руки. Начал рыть руками землю, чтобы найти виновных, и нашёл. Быстро нашёл, даже суток не прошло, потому что, как оказалось, Тим был относительно близко, но не видел происходящего.

— Не трепи мне нервы. Говори, что удалось выяснить?

— Как там говорят? Дальше положишь — ближе возьмёшь? — Амир вонзается в племянника острым взглядом.

— Дальше спрячешь — скорее найдёшь.

— А, да. В нашем случае так правильное будет.

— Хочешь сказать, она где-то под нашим носом?

— Не совсем под носом, но достать можно...

Старые связи помогли в кратчайшие сроки устроиться в закрытый центр.

Было сложно поверить в то, что Волков решится засунуть свою единственную дочку сюда.

Да, это место в самом деле является одним из престижных, и действительно оно открывает многие двери, но... в этом рассаднике гнили ещё нужно выжить!

Этот колледж не зря является закрытым: сюда отправляют учиться своих деток те родители, которые точно знают, что если отправлять едва оперившуюся кровиночку сразу в престижный заграничный вуз, то они скорее их потеряют окончательно. Потому что только сейчас прозрели и поняли, что не с золотых ложек кормить нужно было своих детей, а вос-

питывать из них людей.

Но так получили, что получили. Последняя надежда — на строгую дисциплину колледжа, который располагается на приличном расстоянии от цивилизации, и тут за ними строжайший контроль.

Вот только это также всё иллюзия.

Иллюзия многих родителей в том, что с их детьми тут тоже носятся и что людей из них преподаватели формируют благодаря своему достойному образованию и огромному опыту.

Понимают эти зверёныши только грубую силу, и потому преподавательский состав — это преимущественно мужчины.

В это место приходят добровольно, ну или почти добровольно. Если папульку достали — то сюда!

И подписывают договор, в котором разрешается преподавателям куда больше, чем требуется, также на добровольной основе.

Происходит всё в пределах разумного, разумеется. Если ученик не понял родного языка, ему доносят нужную информацию иным способом, например, через физическую работу.

Очень сильно бьёт по самолюбию богатого мажора, когда тот идёт убирать территорию колледжа или, того хуже, попадает под руководство Ульяны Рашидовны. Если ученик позволяет себе ослушаться, попадает в карцер.

Тут нет цели сломать кого-то. Сюда привозят отпрысков

сознательно, и у них есть выбор: быть на территории колледжа разумным человеком или отправиться домой. Но, разумеется, чаще всего условие папочки — возвращение в никуда!

Отчаявшиеся родители, использовав последний шанс, просто прекращают спонсировать неблагодарных детей.

К счастью, не все тут ученики столь сложные. Многие приезжают сюда, потому что не смогли потянуть учёбу в вузах. Им нужна дополнительная подготовка, и тут они её получают.

В этом месте ничего не отвлекает от учебного процесса. Отсутствие гаджетов — это весомый аргумент взяться за ум. Кстати, и те, кто просто от этих самых гаджетов зависит, также приезжают сюда.

А вот таких, как наивная Марианна, тут меньшинство, но всё же и такие есть! Те, кто мечтает поступить куда-нибудь в Гарвард или Кембридж, или же их родители мечтают об этом, не жалея никаких для этого денег.

Всё же стоит отметить: каким бы всё суровым ни казалось со стороны, но именно нестандартный метод руководства данного колледжа, на удивление, позволяет по большей части через три года выпускать уже совершенно других людей. Однозначно более здравомыслящих, а главное — повзрослевших не только годами.

7 Глава

В библиотеке кроме нас никого не было. Мы не стали садиться за массивные дубовые столы, что были здесь, — они казались слишком официальными, будто созданы для тех, кто привык держать спину прямо и не позволять себе ни капли слабости, а нам с Сашей сейчас хотелось спрятаться, стать незаметными, укрыться от всего этого строгого, чужого мира.

Мы прошли к одному из больших окон — оно единственное было почти полностью спрятано за огромными стеллажами, — и мы с Сашей забрались на широкий подоконник. Там, довольно уютно разместившись, мы увлечённо прозанимались несколько часов.

Тема сегодняшнего урока была простой, мы быстро её разобрали, а вот следующая оказалась довольно сложной, но, на моё везение, Алекса смогла не только сама в ней разобраться, но и мне вполне доходчиво всё разъяснить. Я ловила каждое сказанное ей слово, цеплялась за них, как за опору, и постепенно туман в голове рассеивался.

У меня во сне затекла шея. Очень сильно затекла. А ещё грубый баритон врывается в моё сознание, очень раздражает этим.

— Это охренеть просто! — я не поняла, что именно произошло.

Колено иглой пронзила острая боль, и раскалённым импульсом, поднявшись выше, врезалась в тазобедренный сустав — тот самый, что был когда-то раздроблен.

Всю ногу пробила судорога. Это не столько больно, сколько до зубовного скрежета неприятно. Мышцы скручивало так, будто прошлое возвращалось, и это очень пугало.

— Тимерлан, нельзя было поаккуратнее? — внутри всё холодеет, когда я слышу голос директора.

Не знаю почему, но у меня ощущение, что он для галочки говорит это. А на деле плевать ему.

— Я не специально, — как и всегда, голос Тимерлана звучит холодно. — Не думал, что она слетит, да ещё и так резко.

Я поняла, что мы уснули прямо на подоконнике.

Сашу, в отличие от меня, достаточно бережно взяли на руки и помогли спуститься с высокого подоконника. Кирилл Дмитриевич что-то сказал девушке, и она, сонно кивнув, ушла, оставив меня сидеть на полу наедине с тремя мужчинами.

— Неудачно упала? — вопрос от учителя испанского языка.

— Да, — боль постепенно начала отпускать, осталось только лёгкое онемение после судороги.

— Надеюсь, до своей комнаты дойдёшь?

— Да, разумеется.

Все трое просто развернулись и ушли. Даже руки никто не подал.

Это очень задело моё самолюбие. Я что, прокажённая какая-то? Разве было сложно мне помочь?

Я не знаю, насколько сильно могла пострадать моя больная нога. Я решила хотя бы немного посидеть на полу неподвижно, пускай боль ещё немного пройдёт.

Верхняя часть ноги простреливала, но не сильно. Я решила подняться, очень осторожно, постепенно пыталась делать шаги, очень аккуратно.

Вообще профессор реабилитационного центра, того самого, где я встретила Тимерлана, говорил, что через год я полноценно не только танцевать смогу — с трамплина прыгать буду. С трамплина я не решалась, конечно. Свой скейт вообще забросила, хотя мама и говорила мне, что зря. Некоторые из трюков у меня лучше, чем у многих мальчишек, живущих в нашем дворе, получались.

В памяти вдруг вспыхнули те солнечные дни: ветер в волосах, доска послушно скользит по асфальту, и я чувствую себя свободной, настоящей, не той хрупкой девочкой, которую нужно оберегать и жалеть. И сейчас, делая эти осторожные, неуверенные шаги, я будто пыталась вернуть себе хотя бы крупицу той прежней уверенности.

— Нормально, вроде, — говорю сама себе и в потёмках медленно плетусь к лестнице.

До четвёртого этажа, вверх по лестнице, я добиралась ещё минут двадцать. Шла тихо, поэтому моё приближение никто не заметил, иначе бы они замолчали.

— А по-моему, ты просто поиздеваться надо мной решил. Я что, должен на эту образину не только на занятиях любоваться, но и тут?

— Хан, перестань. Я тебе в сотый раз повторяю. Её в списках до последнего не было, всех расселили, она одна осталась. Не с хозперсоналом же её селить было? Тебе нужно было мне сразу сказать, для чего тебе срочно понадобилось сюда устраиваться. Я бы в подвал её определил.

Последнее Кирилл Дмитриевич сказал не всерьёз. Неудачно пошутил, я это поняла просто по его тону, а не потому, что Амирхан посмотрел на учителя испанского злобным взглядом. В следующую секунду этот самый злобный взгляд Амир перевёл на меня.

Не описать всего того, что внутри меня творится, но я не стану лить слёзы, показывая свою слабость. Я просто отворачиваюсь и ускоряю шаг, иду в свою комнату.

Мне нужно принять душ и успокоиться.

Долго душ не принимаю, быстро мою голову и выхожу. Волосы феном не просушиваю: уже начало двенадцатого, и пусть те немногочисленные педагоги, что остаются на ночь, ещё не спят, сидят в фойе, мне всё равно шуметь и обозначать своё присутствие не хочется.

В своей спальне я включаю верхнее освещение и едва не ахаю.

— Ну вот. Хоть что-то хорошее за весь день.

Говорю вслух, чтобы не чувствовать себя такой одинокой.

У меня комната просто потрясающая. Я так понимаю, это всё дочка Ульяны Рашидовны постаралась.

В углублении стены у меня вырос белоснежный трёхдверный шкаф. Открываю одну из дверей и нахожу там аккуратно разложенные мои вещи. Не стоило этой девушке, конечно, рыться в моих чемоданах, но ладно, зато мне не разбирать. Миллионы я там всё равно не прятала, так что спасибо!

Далее несколько широких полок, спрятаны всё в том же углублении стены. На них уже красуются мои книжки и шка-тулки с мелочами — резинки, заколки, серьги и колечки. Проверяю: всё на месте...

Я знаю, что тут носить мне их нельзя, но я почему-то очень сильно люблю всякие там безделушки, прямо очень-очень.

Я золотые украшения с собою не брала, только крестик с цепочкой, но он всегда на мне. Я взяла с собою только бижутерию.

Открываю двустворчатые двери и вижу вешала, на которых костюмы, брюки, юбки. Все эти вещи не просто развешаны один к одному, они и по цветовой гамме сочетаются.

Моя кровать застелена пушистым пледом, на нём подушки декоративные, на стене рамки под фотографии. Я брала с собою несколько, а значит, пустовать они не будут.

Под полукруглым окном небольшой письменный стол и кресло к нему.

У противоположной стены, в углу, кресло для чтения. По-

чему для чтения? Потому что над ним высокий торшер, и что-то мне подсказывает, его реставрировали вручную, потому что таких сейчас уже не делают.

Ворсистый ковёр на полу придаёт светло-бежевой комнате особый уют.

Сон я себе перебила, теперь точно не усну, поэтому я просто сажусь в постель, утаскивая с собою учебник физики.

Не могла я заниматься в таком состоянии. Времени было подумать предостаточно, и сколько бы я ни обдумывала, ни придумывала, у меня всё сходилось к тому, что Игорь Демидович ради Амирхана меня сюда и пристроил.

Или...

Внутри всё сжимается, когда я вспоминаю пропитанный презрением взгляд Тимерлана.

Сейчас нет сомнений в том, что они родственники и они тут оба из-за меня!

Игорь Демидович пришёл к нам в середине лета и предложил мне пойти учиться в эту престижную старшую школу вместо его дочери, которая изъявила желание учиться за границей.

Мы, как обычно, всей нашей дружной семьёй завтракали на летней террасе, когда Игорь Демидович Волков пришёл к нам со своим приторно-кислющим лимонным тортом.

— Игорь, Галина, я вас совершенно не понимаю! — вещал он. — Неужели вы не хотите для вашей дочери обеспе-

ченного будущего? Эта школа...

— Не в том дело, Игорь Демидович...

— Ну мы же договорились с тобой, тёзка. В нерабочей обстановке можно просто Игорь.

— Игорь, это всё, конечно, замечательно. Но я уверен, там очень дорогое обучение, и мы просто не можем...

— Так я же говорю тебе. Они не возвращают деньги. Я поторопился, перевёл сразу всю сумму. Моя Марианка упёртая: если сказала — не пойду, это всё, бесполезно уговаривать. Ну что, будут деньги пропадать?! Пускай хоть одна из твоих дочерей получит достойное образование. Я человек щедрый, мне не жалко.

— Все мои старшие дочери с полным высшим, Анастасия и Ольга и того с двумя.

— Но за границей-то ни одна ещё не была.

— За границей нет. Ну а если узнает кто?

— Кто? — раздражался Игорь Демидович. — Закрытая школа, Игорь. Закрытая! Всего пятьдесят шесть человек на все три курса. И на эти пятьдесят шесть человек — двенадцать педагогов, двенадцать, Игорёк. А плюс администраторы, вахтёры, охранники. Охрана там знаешь какая?! Там за ними контроль строжайший, пацаны отдельно от девчонок, там строго, я узнавал.

— Да это я всё понял. У нас все дочери с головой на плечах. Ни одна не принесла в подоле, и внуки все в браке рождённые. Я понимаю всё, и про то, что учиться поступит, куда

захочет, без экзаменов и на стипендию сразу. Ты же понимаешь, что не это меня волнует.

— Да говорю тебе, мою дочку никто в лицо там не знает. Это совершенно точно! Я же тоже подставляюсь, тёзка. Разве я рисковал бы, если б не был уверен?

В общем, тогда Игорь Демидович убедил нас, и мы согласились. Он купил мне дорогую одежду, обувь и много других нужных мелочей. Конечно, мои родители и так бы одели меня нормально.

Несмотря на то что у нас семья многодетная, мы не бедствуем и за друг другом вещи не донашиваем, разве что дома. Но я должна была соответствовать именно Марианне Волковой, с которой мы почти полные тёзки.

По паспорту я — Марьяна.

Мама ночи не спала, боялась и мы всё же решили отказаться.

Игорь Демидович тогда снова приехал к нам домой, и говорил он с нами всеми уже по-другому совсем. Грубо, дерзко — даже с мамой! В его голосе теперь не было той вкрадчивой убедительности, что раньше: вместо неё звучала холодная властность, будто он уже считал, что сделка состоялась, а мы просто обязаны принять новые правила. Мама тогда лишь крепче сжала чашку с чаем, но не сказала ни слова — я видела, как побелели костяшки её пальцев, и от этого внутри у меня всё сжималось ещё сильнее.

Конечно, он нам так и не рассказал, зачем ему это всё нуж-

но. Сказал только, чтобы мы возместили ему весь ущерб, — прямо на скатерти написал сумму вдруг возникшего долга. Цифры лежали на светлой ткани, как тяжёлые камни, при- давливая к месту, не давая даже пошевелиться от ужаса: я смотрела на них и не могла понять, как из обычного завтрака наша жизнь вдруг превратилась в какой-то чужой, страшный расчёт.

А ещё он достаточно прозрачно намекнул, что если я передумаю, то вскроется, что мы собирались поступить в эту школу, подделав документы, — чего мы, разумеется, не знали. Он без нашего ведома поменял дату моего рождения и место рождения в моём паспорте. Игорь Демидович лично занимался подачей документов.

И только ночью, когда дом наконец затих, я достала паспорт и долго смотрела на эти чужие цифры, будто надеялась, что они вдруг расплывутся, станут прежними, и весь этот кошмар окажется просто дурным сном. Но чернила не исчезали, линии оставались чёткими и безжалостными.

8 Глава

Я уснула примерно к трём утра. Мозг к этому моменту кипел от переизбытка размышлений.

С утра взбодриться и немного прийти в себя мне помог прохладный душ. Потом я надела бордовые леггинсы и удлиненную белую футболку, заплела косичку и из неё создала довольно объёмный пучок, чтобы волосы мне не мешали.

Выйдя во двор, я немного растерялась. Сначала решила, что пробежку отменили, но потом услышала за спиной голос Саши.

— Вот ты где? — Алекса не столь весела, как обычно.

Я оборачиваюсь к девушке лицом, внимательно смотрю на неё.

— Прости меня, пожалуйста, — девушка надувает губы и смотрит виноватым взглядом. — Я вчера как зомби, пришла и спать. Просто ну вообще. Утром проснулась, меня как водой ледяной окатило, — немного сумбурно говорила Саша. — Я вообще сначала подумала, что мне приснилось всё. Ты простишь меня? — и подаёт мне конфету в ярко-красном фантике.

Смотрю на девушку пару мгновений, а потом беру сладость с её ладони и, быстро развернув, кладу конфету в рот.

Вкус был неожиданно ярким — кислинка обожгла язык, а следом накатила сладкая волна.

— Вкусная.

— Не сердишься?

— А у тебя ещё такие вкусные конфетки есть?

— Есть, — с широкой улыбкой отвечает.

— Тогда прощаю... — не могу сдержать ответной улыбки.

На самом деле и вчера было видно, что Алекса была не в себе, когда уходила. Я не сердилась на Сашу, потому что так и подумала, что она ничего даже не поняла. Лекса одаривает меня широкой улыбкой, обнимает, целует в щёку.

— Пойдём на пробежку.

— А она не тут разве будет? — кивком головы показываю на стадион, где должны проходить спортивные занятия.

— Нет, ты что?! Утренняя пробежка по лесной тропе, с обратной стороны здания. Нам же говорили.

— Я прослушала где-то, — отвечаю мрачно.

Ну а что тут удивительного? Блин. Нужно постараться взять себя в руки, я, наверное, всё-таки слишком сильно нервничаю, раз пропускаю мимо ушей подобные заявления.

— Идём скорей, — и тянет меня вперёд. — Говорят, в этом году третьекурсник Камал Галиев ответственный за утреннюю пробежку нашей группы. Сильвия сказала, что он суровый парень и у него не забалуешь.

— Третьекурсник? — не пойми зачем переспрашиваю.

— Да! А вторым нашего Багаутдинова поставили.

— Что? — я вдруг резко затормозила.

— Ты чего?

— Тим будет с нами на пробежке?

— Как бы он-то с нами учится, — тараторила Саша, продолжая тянуть меня за руку. — У него разряд по лёгкой атлетике, и он мастер... Мари, ты чего побледнела так?

— Нормально всё, — я всё же постаралась взять себя в руки и пошла дальше. — У них фамилии просто схожи с нашим директором или...

— Или. Мне соседка с утра все уши прожужжала про их семью.

— Что сказала? — спрашиваю с осторожностью. Мне бы не хотелось выказывать своё любопытство, но и иного способа разузнать хоть что-то о Тимерлане и Амирхане я не знаю.

— Ну, во-первых, Амирхан-Хаджи — он дядя Тимерлана.
— Получается, Тим, он тоже Багаутдин, а не Багаутдинов, — прикусываю кончик языка. Этот вопрос можно было и не задавать.

— Да, его фамилия тоже не склоняется. Но согласись, очень хочется? — я в ответ только киваю.

— А что ещё?

— Ну ещё у них, у всей их семьи, был свой бизнес, впрочем, он и сейчас вроде как есть, но не так давно была целая империя. Сейчас лишь малая её часть.

— Почему?

— Вот этого не знаю. Слухов много разных, что из всего правда, а что нет, не имею представления, а совсем уж сплетничать не хочу.

— Ясно...

— Сейчас бизнес пытается наладить Динар Ходжи, отец Тимерлана, а Тим вот сюда учиться поступил, а Амирхан — директором. Только зачем, непонятно!

— Почему?

— Потому что Тим, он учился в Иордании, а кто-то говорит, что до сих пор там учится. Я не знаю, как это возможно, потому что тут совмещать обучение с другими какими бы то ни было учебными заведениями точно нельзя. Ну, а Амирхан-Хаджи он...

— Я не понял! Мы где ходим? — синхронно поворачиваем головы на строгий баритон, как я понимаю, того самого Камала Галиев.

Высокий, довольно спортивный темноволосый парень, с очень красивыми, большими, немного раскосыми глазами.

— Мы ещё не опаздываем, — говорит Саша. — Ещё три минуты есть.

— Да что ты? — парень говорит довольно дерзко, хотя я считаю, что повода для этого нет, потому что Алекса сказала вполне безобидным тоном. — Тут я решаю, кто опоздал, а кто нет. Два круга за опоздание.

— Насколько я поняла, ты просто смотришь, чтобы никто не филонил, — это уже говорю я. При этом я изо всех сил стараюсь говорить максимально ровным голосом. — Не думаю, что есть необходимость брать на себя больше, чем требуется, — спокойно, Марьяна, это всего лишь его взгляд.

Взгляд у парня поистине дьявольский, но я выдерживаю его, потому что должна: раз уж рот открыла, Марья, — держи удар!

«Физически он не посмеет», — на всякий случай мысленно поясняю себе несколько раз подряд.

Правильнее было бы, конечно, обратиться к совершенно незнакомому парню на «вы», быть более вежливой, но я тут не совсем я, и Игорь Демидович настаивал на том, чтобы я оставила своё воспитание и вела себя дерзко.

Я тогда ответила ему, что вряд ли у меня так получится, и что мне проще до минимума сократить общение со сверстниками.

Такой ответ явно не устроил мужчину. Он сжал руль до побелевших костяшек, и почему-то мне тогда показалось, он был готов ударить меня. Мы как раз ехали в колледж, и он давал мне последние наставления.

«Ты очень эгоистична, Марьяна!» — сквозь плотно сжатые зубы сказал тогда он.

«П-почему?» — спросила я дрожащим голосом, чуть заикаясь.

«Потому что мы миллион раз обсуждали, кто ты, как вести себя должна и как разговаривать. Я так понимаю, тебе плевать на своих сестёр и брата, а также...»

«Я постараюсь», — ответила я резко, потому что не хотела слышать завершение фразы.

Мне накануне были даны все инструкции, и уже тогда я

понимала, что и третьей части не смогу сделать.

Я умею постоять за себя и при возможности заступиться за слабых, но я не умею быть дерзкой или высказывать своё недовольство к чему бы то ни было.

Сейчас я попыталась вступить за Сашу, потому что вижу: она едва не расплакалась от того, как грубо с ней говорит этот парень. Действительно, приятного ничего нет.

И в данный момент я вступилась за неё потому, что, как Марьяна Волкова, я не люблю несправедливость. Только я постаралась сказать сейчас всё так, как, скорее всего, сказала бы Марианна Волкова.

Пускай я не слишком много провела с ней времени, но то, какой она человек, мне кажется, я поняла.

Но, произнося эти слова, я всё равно чувствовала, как внутри всё дрожит, будто я балансирую на тонком канате: одна нога ещё там, где я — настоящая Марьяна, тихая, осторожная, привыкшая сглаживать углы, а другая уже там, где мне велено быть Марианной Волковой — резкой, уверенной, не терпящей несправедливости. И я не знала, какая из этих двух победит, если придётся идти дальше по этому канату.

9 Глава

— Так вот кто у нас дочурка Волкова! — Камал резко остановился, скрестив руки на груди, и окинул нас с Сашей таким оценивающим взглядом, будто пытался прочесть в наших лицах все спрятанные секреты.

Ага, он нас спутал. Принял Сашу за меня, наверное.

Хрен тебе. Не дочка Волкова я!

Но парню, разумеется, я всё подтверждаю.

— Совершенно верно! Через минуту у нас пробежка, идёте к старту, — резче чем следовало бы я тяну за руку растерянную Алексу, сама при этом едва сдерживаю дрожь в пальцах. Ладонь вспотела от напряжения, и я боялась, что Саша это почувствует и поймёт, как сильно я боюсь провалиться.

Внутри меня кавардак. От напряжения внутренности начинают содрогаться. Мне было страшно, страшно не справиться и расколоться. Думаю, стоило этому парню немного поднажать, и я бы себя выдала. А ещё я понимаю, будь на его месте Тимерлан или Амирхан-Хаджи — тем более Амирхан-Хаджи, — я бы сдулась сразу же.

Так что мы имеем?

Снова сгусток сумбурных мыслей в моей голове.

Первое и главное. Не могу оценить себя со стороны и понять, насколько хорошо у меня получилось быть дерзкой и

высокомерной. Тем более высокомерной.

Высокомерной не получилось. Думаю, совсем, а значит, я должна составить свой собственный план.

Я не умею врать, не рождена быть актрисой, но я могу, могу ведь постоять за себя!

Я же выдержала травлю в младшей школе. Сама отвечала за себя и даже пару раз дралась с мальчишками. Тут думаю до драк не дойдёт, но я должна держаться.

В груди всё сжималось, а перед глазами на секунду всплывали те самые коридоры старой школы — узкие, пахнувшие мелом и чужим презрением, где каждый шаг давался с боем. Здесь было иначе, но страх тот же самый: липким, холодным, пробирающим до костей.

Я чувствую, почти... Да чего себе врать? Всего третий день я в колледже, а уже на себе испытала негатив, направленный именно на меня.

Я тут не случайно, и хорошо, что мама заподозрила неладное во всём этом. Да, я не знаю истинной причины и намерений Игоря Демидовича и его дочери. Но в момент, когда Волков вёз меня сюда, я понимала, как бы это грубо ни звучало, что, скорее всего, мною собираются прикрыть свой ссыкливый зад!

— Мари, пожалуйста... — откуда ни возмись в мою голову врывается голос. — Я не успеваю.

— Саша...

Я вдруг опомнилась.

Алекса белая как стена, и у неё сильная одышка. Её плечи вздымались так резко, будто каждое движение давалось через силу. А ещё, несмотря на утреннюю прохладу, на висках у неё выступили мелкие капли пота. Наверное, от волнения я бежала бегом и всё это время тянула Сашу за собой.

— Блин, прости, пожалуйста, — сама с трудом дышу я. — Я просто перенервничала.

— Да-х... — Саша что-то хочет сказать, но у неё не получается.

— Лекса, ты чего? — Саша заметно пошатнулась и, споткнувшись, чуть не упала.

Я отвожу её с беговой тропинки немного в сторону, в тень старого дуба, где была мягкая трава.

— Я просто дыхание как сбила сразу, — спустя не меньше минуты смогла наконец ответить Саша, — так и не смогла уже его восстановить! Ты очень быстро бегаешь.

— Да, у меня хорошая скорость.

— Я в нашем лицее несколько раз призовые места занимала по бегу, но ты вообще, конечно... — улыбнувшись мне, подруга, кажется, окончательно пришла в себя.

— Да, я тоже участвовала в соревнованиях по бегу. Так, а мы где?

Я смотрю по сторонам и понимаю, что мы сошли с тропы. С беговой тропы. Рядом с нами сейчас была обычная лесная узенькая дорожка.

— В лесу.

— Логично. Как мы обратно вернёмся? У меня топографический кретинизм!

— Чего? — смеётся Саша.

— Я плохо ориентируюсь на местности. В городе по навигатору, а в лес я без папы вообще не хожу.

— Аа. Ну боюсь тебя расстроить, но у меня примерно то же самое.

— Блин. Ну тропинка та вот она, бежали мы оттуда, — рукою показываю вправо.

— Оттуда, Мари.

— Мари! — повторяю за девушкой. — Так меня никто не называл никогда.

— Тебе не нравится? — я пожимаю плечами, смотрю на развилку одной тропы.

— Да нормально вроде, просто непривычно и всё. Так что раз ты уверена, пойдём левее.

Алекса смотрит на меня, и в её глазах я читаю сомнения.

— Саша...

— Ну ты просто засомневалась, и я теперь тоже.

Вокруг щебечут птицы, шумит листва от лёгкого ветерочка, и... и всё! Тишина такая, что становится не по себе в какой-то момент. Даже воздух будто стал плотнее, словно лес сам по себе решал, позволять нам выбраться или заставить блуждать до темноты.

— Куда идти-то, Саш?

— Может, жребий кинем? — понимаю, что Алекса пошу-

тить хочет, но нам обоим не смешно совсем.

— Так! Мы с тобою хоть и быстро, но недолго бежали, верно.

— Двадцать семь минут, — почти по слогам говорит Алекса.

— Ну, минус минут десять, что мы с тобой тут сидим.

— Не-а! Плюс двенадцать минут, что мы с тобою остановились тут.

— Ты что, время засекала?

— Конечно, — Алекса вытягивает вперёд правую руку, и на фоне тёмной коры дерева её спортивные часы вспыхивают серебристым блеском; экран мерцает, выдавая десятки показателей — пульс, высоту, скорость, и всё это кажется одновременно невероятно полезным и совершенно бесполезным в нашей ситуации, потому что сети нет, а значит навигация нам не поможет. — Мой папа инженер-электронщик. У него своя фирма, и он производит всякие электронные штуки. Эти часы всё фиксируют автоматически. Сколько бежала бегом, сколько пешком прошла, сколько просидела. Много ещё чего. Это пробная версия, их в продаже ещё нет даже.

— А они нам без интернета обратную дорогу покажут?

— Тут есть компас, — говорит Лекса.

— Да? Это же отлично!

— Ага, — мы немного оживляемся.

— Так, мы с тобою на юго-востоке.

— Ага, а идти нам куда, западнее или севернее?

— А я не знаю...

— Попадос, — произношу по слогам.

Мы в замешательстве, какое-то время просто палимся на часы, где куча разных цифр, но они ровным счётом нам ни о чём не говорят.

Я прохожу немного вперёд, осматриваюсь по сторонам. Через минуту ко мне присоединяется и Саша.

— Как можно было нестись, не разбирая дороги? — немного нервно выдаёт она.

— Саш, прости! Я смотрела под ноги, тропа и тропа. Откуда мне было знать, что она на развилки делится.

— Да не сержусь я. Просто писать хочется.

— Так в кустики вон сходи, — кивком показываю девушке в сторону разросшегося малинника. Листья у него были крупные, тёмно-зелёные, с острыми зубчиками, и сами кусты стояли плотной стеной, будто специально скрывая то, что находилось за ними.

— Я? — в удивлении приподнимает бровь. — В кустики?

— Ты что, в кусты ни разу не ходила?

— Нет! А ты?

— В кустах прошло всё моё детство. Не домой же было бежать, чуть приспичило.

Саша немного странно на меня посмотрела, обернулась в сторону кустов и снова на меня. Опять на кусты, чуть помедлила и всё же двинулась в их сторону.

Я прошла ещё немного вперёд, остановилась, прислуша-

лась, может, нас уже хватились? Думаю, что да, потому что время пробежки тридцать минут, а прошло уже не меньше сорока.

Мне становится крайне неловко перед Алексой. Ладно бы я одна заблудилась, но я уволокла её за собой.

Так, в восьмом классе, ещё до получения травмы, я бегала стометровку за двенадцать ноль одну. Бегала я лучше большинства мальчишек нашего класса.

После травмы, даже после полного восстановления, я уже не истязала себя, боялась просто!

Ну хорошо, пусть я из-за отсутствия тренировок уже не столь спортивная девушка, но я всё же повзрослела, а значит, плюс-минус можно считать то же самое время. Пусть сейчас я стометровку минут за пятнадцать пробегу... А нет! Ещё я Алексу за собой тянула, можно смело двадцать считать. Итого у нас выходит...

— А-а-а... — громкий крик Алексы вырывает меня из размышлений. Лекса, сверкая пятками, выпрыгивает из кустов, на ходу подтягивая штаны. Я скорее на рефлексе смотрю ей за спину и замечаю огромного медведя, который бодро шагает за ней. Он двигался с пугающей лёгкостью для такой громадины. Его лапы мягко ступали по мху, когти слегка цепляли землю, а из приоткрытой пасти вырывалось низкое, утробное рычание, от которого кровь стыла в жилах.

— Быстро на дерево! — кричу я и, снова схватив Алексу за руку, тяну её за собой.

Адреналин в крови не даёт нам опомниться. Я первая вскарабкалась на ближайшую сосну и, кажется, ещё и Сашке руку подала.

Взобрались мы достаточно высоко, я бы даже сказала, очень высоко. Потому что хоть я высоты и не опасаясь, но сейчас, смотря вниз, я понимала: если свалюсь, без переломов не обойдётся.

Вот так вот, дрожа от страха, каждая сидя на своей ветке, обхватив широкий ствол дерева ногами, мы сидели довольно-таки долго. Когда косолапому надоело рычать и круги наворачивать вокруг нашего дерева, он ушёл.

Мы сидели молча. У меня достаточно сильно затекла па- па, уверена, что у Алексы также, но ни одна из нас не жаловалась, мы всё-таки обе были слишком напуганы, и даже когда внизу слышали голоса, не сразу отреагировали на них.

— Да, нашли. Южная тропа, по направлению к посёлку Озерки.

Сердце снова ведёт себя как сумасшедшее. Оно замирает, делает кульбит и снова замирает, когда я слышу голос Ти- мерлана. Он по рации сообщил кому-то, что мы нашли.

— Это залёт, — спокойным, но таким же грубым голосом, как у Тима, говорит нам Камал. Он стоял, слегка расставив ноги, будто готовясь к любому повороту событий, а его лицо оставалось непроницаемым, только в глазах мелькали искры раздражения.

— Это моя вина, — крепче обнимая сосну, дрожащим го-

лосом выдавливаю из себя я. — Я потянула Сашу за собою.
— Значит, наказание понесёшь за вас обеих. Слезайте!
Приказ от Камала, но ни одна из нас не шевельнулась даже.

— Я что, неясно сказал?

— Яс-сно, — наконец и Саша отмирает.

— Так в чём дело?..

Молодые люди оборачиваются на звук ломающихся под ногами веток. Я тоже смотрю в сторону постороннего шума и замечаю двоих высоких мужчин. Амирхана-Хаджи и Кирилла Дмитриевича.

Амирхан-Хаджи выглядел так, будто сам лес склонялся перед его присутствием: прямая осанка, тяжёлый взгляд, руки сжаты в кулаки, а вокруг него будто витало напряжение, готовое в любой момент вырваться наружу. Кирилл Дмитриевич рядом с ним казался чуть мягче, но в его глазах читалось не меньшее недовольство — он нервно поправлял воротник рубашки, будто пытаясь удержать рвущееся наружу раздражение.

— Где? — от страха холодеют все внутренности. Директор, он просто в ярости.

— Вон, на дереве, — ответил Тимерлан и головой мотнул в нашу сторону.

— Вниз, — вот настоящий приказ, и не сулит нам голос директора ничего хорошего, а мне теперь ещё страшнее.

— Т-там медведь, — говорю я.

— Так вы поэтому сосну обдритали?

— Это смола, — быстро выпалила я, совершенно не подумав.

Конечно же, все и так понимают, что это Тим от злости так шутит. Можно понять его. Он ведь отвечал за нас во время пробежки.

Мужчины рассмеялись как раз-таки на моё глупое оправдание.

Жар в считанные секунды от пяток поднялся к лицу. Уверена, я сейчас похожа на свёклу.

— У вас минута! — не стоит испытывать терпение директора на прочность. Это прямо очень отчётливо слышно по его голосу. Очень медленно мы с Сашей начинаем двигаться вниз.

10 Глава

Кирилл Дмитриевич помог Алексе спуститься. Он двигался с той особой, чуть замедленной осторожностью, какую взрослые проявляют к тем, кого считают хрупкими: аккуратно взяв Сашу за талию, он придержал её, будто боялся, что она рассыпется от одного резкого движения, а потом и вовсе подхватил на руки — и уже со своих рук тихонько отпустил, поставил на землю, на секунду задержав ладони на её плечах, словно убеждаясь, что она твёрдо стоит на ногах.

Когда к дереву, с которого я до сих пор до конца не слезла, подошёл Тимерлан, моё сердце замерло — неужели он сейчас поможет мне спуститься?

Тим поднял руку, и я, повинаясь секундному порыву, совершенно не согласовав свой поступок с головой, подалась вперёд, отпустила ствол дерева, за который держалась, и... полетела вниз.

На этот раз я просто как клуша завалилась на бок, прямо под ноги Тимерлана. Удар отозвался тупой болью в бедре, а в груди всё сжалось так, будто кто-то стиснул лёгкие ледяной рукой. На долю секунды мир перед глазами поплыл, и я успела подумать: «Ну вот, теперь точно всё, конец хоть какой-то видимости достоинства».

Стыдоебище...

Парень посмотрел на меня сверху вниз совершенно без-

различным взглядом, после чего переступил чуть ли не через мою голову и прошёл дальше. В этом его движении не было ни злости, ни даже равнодушия — была какая-то пугающая пустота, будто меня для него просто не существовало, и от этого становилось ещё больнее, чем от любой колкости.

Внутри меня разлилась жгучая горечь, я, и без того красная, ещё больше покраснела. Потому что осознавала — Тим совершенно точно всё понял. Понял, что я решила, будто он не за веткой сосны потянулся, аромат которой он тут же вдохнул, а именно решил помочь мне спуститься.

Амирхан-Хаджи и Кирилл Дмитриевич — они также это поняли, и сейчас, видя, какая я в их глазах жалкая, меня изнутри словно кислотой обжигает. Оказывается, это настолько паршивое чувство, оно вызывает самую настоящую физическую боль. Лучше бы они в голос посмеялись надо мной, чем вот так.

Словно от какой-то мерзкой букашки, они почти синхронно отвернулись от меня и пошли вперёд. Даже и не подумали посмотреть, убедиться, что я не ушиблась и могу самостоятельно встать и пойти вслед за ними.

— Ты что-нибудь понимаешь? — доносится до меня отдаляющийся голос Тима.

— Ни хера! — отвечает ему Амирхан, а дальше разговора я уже не слышу. Они отходят на достаточно большое расстояние.

Вот я дура, конечно. У меня под ногами две толстенные

ветки были. Я могла совершенно спокойно встать на них, слезть без посторонней помощи. Хорошо хоть не расшиблась об них же.

Думаю, Тимерлан, как и любой мужчина, и не сообразил, что можно и джентльменом побыть, помочь девушке.

Мысленно даю себе подзатыльник. Вспоминаю взгляд, которым и он, и наш директор смотрят на меня. Он у них одинаковый. Полный ненависти и презрения. Так зачем ему...

— Давай помогу подняться, — негромкий голос вырывает меня из собственных размышлений.

Я резко поворачиваю голову вправо.

Я совсем про Сашу забыла. Она всё это время стояла чуть в стороне, и мне показалось, что девушка сейчас очень растеряна. Её пальцы нервно теребили край футболки, а глаза бегали по земле, будто она боялась встретиться со мной взглядом и одновременно отчаянно хотела убедиться, что со мной всё в порядке. Неужели со стороны тоже видно, что ко мне относятся в этом колледже иначе.

— Спасибо, — произношу тихо и подаю своей подруге руку.

Её ладонь прохладная и чуть влажная от волнения, и это простое прикосновение вдруг вернуло мне ощущение реальности — всё-таки я не одна...

— Не ушиблась? Вроде несильно грохнулась.

— Несильно, Лекси. Всё хорошо.

Мы шли молча. Всё-таки Саша права была: мы бежали по

тропе, на которую она мне указывала, и если бы я была одна, то наверняка бы решила вернуться самостоятельно, пошла бы неверной тропой и заблудилась бы окончательно.

Всего пять минут, и мы вышли на беговую дорожку, а ещё через две увидели огромное здание нашего колледжа.

Я честно не понимаю, что происходит. Но мне определённо нужно во всём разобраться. Мне нужно понять, за что Багаудин Тимерлан и Амирхан меня так яростно ненавидят. А ещё мне нужно знать, кто ещё может относиться ко мне с тем же пренебрежением. Просто мне нужно понимать, где можно хоть немного расслабиться, а где будет необходимо обороняться.

— Саш, а я ведь могу приходить к вам на этаж, верно?

— Конечно, — вполне живо отвечает. — Девочки вторых и третьих курсов свободно перемещаются по комнатам друг друга, это видят кураторы, и никто ничего не говорит. Да и в общем зале достаточно места. Можно играть в настольные игры, смотреть телевизор или слушать музыку.

— У вас телевизор есть?

— Да, но, кажется, его почти никто не смотрит. В основном у нас просто играет музыка.

— Сейчас быстро по комнатам и в душ, — прямо с порога нас встретила Стелла Робертовна, и говорит она очень строго. Её голос звучал как металлический щелчок: коротко, резко, не терпящий возражений. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди, и её строгий взгляд скользил по нам, буд-

то сканируя каждую деталь — от спутанных волос до сбитых кроссовок. — Берёте учебники, и только попробуйте не успеть ко второй паре.

Зря я подумала, что сорок минут — это более чем достаточно. Смола, что налипла на мои руки и, как оказалось, ещё и на волосы, никак не хотела отмываться. Вода в душевой была прохладной, почти ледяной, и каждая капля, стекавшая по коже, казалась крошечным уколом. Я тёрла пряди до красных рук, пытаюсь смыть липкую смолу, но она упрямо держалась, словно хотела оставить на мне метку этого дня. В конце концов было принято решение заплести два тугих колоска, чтобы скрыть слипшиеся пряди.

У меня достаточно длинные волосы. У нас из всех сестёр осмелилась на стрижку только Ольга, и то потому, что с её плотным графиком: учёба, дом, дети, работа — не было особо времени ухаживать за волосами. Мама очень расстроилась, когда Оля приехала на каникулы с волосами длиной чуть ниже плеч.

— Ничё себе, какие у тебя волосы длинные! — с восторгом замечает Алекса.

Я до этого старалась убирать их в низкий пучок или под заколку-краб. Густоту и объём моим волосам придаёт только лишь пористая структура, плюс они очень волнистые у меня, а когда я их сжимаю, соответственно, объём уходит.

— У моей старшей сестры вот такие колоски ниже попы, — показываю на себе. Ребром руки провожу сбоку по бедру,

— и гуще гораздо. А у меня косы, как видишь, едва до середины попы достают.

— Здорово.

Длина моих волос не оставила равнодушной ни одну девчонку из нашей группы. Они с восторгом наперебой спрашивали, как я смогла их отрастить. Но, разумеется, уже после того, как я им сказала, что локоны не наращённые и мне не придётся писать заявление, чтобы меня выпустили в город на коррекцию.

Наконец у меня приподнялось настроение, я буквально оживилась, поняв, что не все против меня. На самом деле было глупо предполагать, что в колледже вот как по заказу подобрались те ученики, которые слепо меня ненавидеть будут. Вернее, Марианну Волкову. Меня им ненавидеть точно не за что...

— Что за сборище? — чуть грубоватый женский голос заставляет всех рассестись по своим местам. Преподавательница стояла у доски, уперев руки в бока, и её поза выражала такое нетерпение, что даже самые разговорчивые тут же притихли. — Записываем тему. «Общепрофессиональные дисциплины». Сегодня кратко поговорим о вычислительных системах, сети и телекоммуникациях. Информационные системы, базы данных и многое другое, — молодая женщина лет тридцати говорила строго и по делу. — Времени на болтовню нет, поэтому сразу включаемся в работу.

Урок по прикладной информатике пролетел незаметно, а

урок по физике ещё быстрее.

Это всё потому, что нас разделили на небольшие группы. Ислам Мухамедович решил проверить наши знания, чтобы понять, стоит ли тратить ещё время на повторение школьного материала или же мы можем двигаться дальше.

Я была практически мозгом нашей пятёрки. Конечно, это не потому, что я вдруг умная такая, просто темы все мне уже знакомы, и на память я никогда не жаловалась.

Ну и разумеется, гены дедушки — доктора наук — не только моим сёстрам достались, и в моей голове однозначно что-то есть, задачи по физике я как орешки щёлкаю.

Но именно сейчас я особенно старалась, потому что в нашей пятёрке был Тимерлан.

Я действительно хотела показать себя с лучшей стороны, почему-то была уверена: если Тим увидит, что я не какая-то там пустоголовая, он поймёт, что утренняя ситуация в лесу — это не более чем случайность, и он не станет думать обо мне плохо.

Тим был совершенно безучастен, казалось, ему вообще безразлична учёба. Но такого же быть не может?! Этот колледж, он так много даёт...

Не могу сказать за всех и каждого, но большинство ребят проявляют нешуточный интерес к учёбе.

— Так, Марианна, я попрошу вас теперь немного помолчать, — говорил профессор, улыбаясь в свои седые усы. — Своё второе «отлично» вы уже заработали, позвольте и дру-

гим.

Невероятно приятно получать похвалу от учителя такого уровня.

Ещё до того, как вскрылись все обстоятельства, что моя учёба тут — всё же не жест доброй воли богатого дяди, а именно корысть, я прыгала от счастья и изучала всё не только о самом колледже, но и об учителях, которые тут работают.

Достоинства и все научные степени всех и каждого из преподавателей перечислять слишком долго, но вот конкретно Ислам Мухамедович — он не просто научный деятель, он получил премию за заслуги в фундаментальной физике.

— Профессор!

Мы все повернулись на звук голоса нашего директора.

— Простите, дверь открыта...

— Да, господин директор. Уж простите, в моём возрасте кондиционеры — большой риск, поэтому по старинке, открываем двери.

— Всё правильно, Ислам Мухамедович, — Амирхан-Хаджи говорил с учителем с глубоким почтением, это было слышно по его голосу. Сейчас голос Амира звучал не так строго, и я почти его не боялась. Но ровно до того момента, пока он не повернулся к нам и не вонзился именно в меня своим дьявольским взглядом. Тех пары мгновений, пока Амирхан-Хаджи смотрел на меня, их было более чем достаточно, чтобы вспомнить, кто я и какую «миссию» выполняю. — У меня короткое объявление для первого курса,

вы позволите?

— Да, конечно!

— Завтра выходной, — наконец мужчина отводит от меня взгляд. Обращается ко всем. — Бабье лето не обещает быть слишком долгим, поэтому мы не будем терять время. Завтра выдвигаемся в горы, ровно на сутки, не считая дороги. Список всего необходимого уже висит на стенде в холле. Лишнего ничего не брать, всё строго по спискам.

— Все пойдут? — спрашивает парень с крашеными волосами. — Вадим, кажется.

— Нет! — Амирхан-Хаджи снова смотрит на меня. Вернее, нет. На этот раз он смотрел на меня и Сашу. — Рябини-на, Волкова, после пары сразу ко мне в кабинет!

Ой, мама. Только не это... В груди всё снова сжалось, а по спине пробежал ледяной холодок. Я почувствовала, как пальцы невольно вцепились в край парты, будто она могла удержать меня от того падения, которое, казалось, уже на-двигалось.

11 Глава

Оставшуюся часть пары я, как и просил меня профессор, была полностью безучастной, а всё потому, что не могла выкинуть из головы то, какой взгляд напоследок бросил на меня Амир.

Он молод! Отметила для себя я, но в то же время в глазах его не юношеская мудрость. Осмелюсь предположить, что Амирхану около сорока, но он молодо выглядит. Он молод душой! Или нет, не так...

Совсем недавно он был молод, а сейчас...

Как бы там ни было, мне непросто обращаться к нему по имени-отчеству, мысленно, я имею в виду.

А мысли о нём теперь непрерывно крутятся в моей голове, я не могу о нём не думать, и поэтому паника во мне вместо того, чтобы угаснуть, напротив, набирает обороты.

Сердце каждый раз подпрыгивало где-то у самого горла, стоило только вспомнить его тяжёлый взгляд, и я ловила себя на том, что машинально касаюсь шеи, будто пытаюсь унять эту внезапную дрожь.

Мне было страшно к нему идти, но я шла! Шла, потому что послушаться Амирхана было в разы страшнее.
 Амир громко разговаривает своими глазами, они не просто ненавидят меня, они способны... он способен!..

Я боюсь даже мысленно говорить о том, на что именно

Амирхан способен, а учитывая то, что и Тимерлан смотрит на меня так же...
 Вместе с этим всем я на каком-то интуитивном уровне чувствую — Амир и Тимерлан Багаудин, они оба не показывают мне и сотой доли того, на что способны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.